9(с)15
ср. Д 67

Донское казачество в Отечественной войне 1812 г.

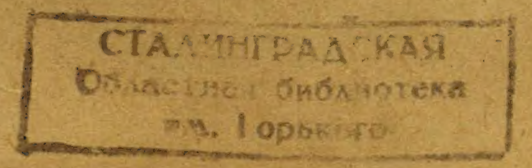
1942

9(С)15
Д-67

РЕД.Ф.

ДОНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 г.

82236
пот
н10



ОГИЗ • ГОСПОЛИТИЗДАТ • 1942

СБОРНИК
МАТЕРИАЛОВ
И ДОКУМЕНТОВ

♦

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Вторжение Наполеона в пределы России с огромнейшей для того времени армией явилось «началом конца» его империи. Русский народ, стеной поднявшийся на защиту своей родины, нанес смертельный удар не только армии Наполеона, но и всей его великой империи. Рухнули мечты Наполеона о всемирном владычестве. Разгромив гигантскую армию Наполеона, русский народ доказал, что его нельзя подчинить, поработить и растоптать. Вместе с тем опыт отечественной войны 1812 года показал, что попытка лишить великий русский народ его самостоятельности и национальной независимости несет гибель самому поработителю.

Наполеон напал на Россию в 1812 году, находясь в зените своей славы и могущества. Почти все народы Западной Европы были подчинены ему. Однако на Пиренейском полуострове Наполеон не мог считать себя победителем: испанский народ продолжал героически, мужественно оказывать сопротивление. За Ла-Маншем находилась Англия, могущественная держава, которая была полна решимости бороться за свое господствующее положение. В Восточной Европе существовало обширное русское государство, проводившее независимую и самостоятельную политику. Во всей остальной Европе воля Наполеона была законом. Он перекроил политическую карту Европы по своему произволу: создал новые государства, видоизменил границы одних и милостиво оставил в прежних размерах другие.

Власть Наполеона над подчиненными государствами не ограничивалась политическим и национальным угнетением. Едва ли не больше всего он стремился поработить захваченные государства и в экономическом отношении.

Введенная Наполеоном в 1806 году система континентальной блокады Англии имела своей задачей не только задушить своего самого могущественного противника, но и поставить побежденные страны в экономическую зависимость от французской буржуазии. Для экономического развития Франции и экономического подчинения ей хозяйств других европейских государств блокада открывала безбрежные перспективы.

Россия являлась препятствием на пути к мировому господству французской буржуазии. Необходимо было устранить это препятствие, и Наполеон решил покорить Россию. Он полагал, что после порабощения России ему не трудно будет справиться и с Англией. В частности Россия представлялась ему и дорогой в Индию, к важнейшему

источнику английского могущества и богатства. Общеизвестны заявления Наполеона на этот счет перед началом похода в Россию: «Допытываются, куда мы идем. Мы покончим с Европой, а там... овладеем Индией... Еще три года—и я буду владыкой вселенной». «Теперь мы пойдем на Москву, а из Москвы, почему бы не повернуть в Индию? Пусть не говорят, что от Москвы до Индии далеко! Александру Македонскому от Греции до Индии тоже было не близко, но ведь это его не остановило? Александр Македонский достиг Ганга, отправившись от такого же далекого пункта, как Москва... Предположите, что Москва взята, Россия повержена, царь пошел на мир или погиб при каком-нибудь дворцовом заговоре, и скажите мне, разве невозможен тогда доступ к Гангу для армии французов и вспомогательных войск, а Ганга достаточно коснуться французской шпагой, чтобы это здание меркантильного величия Англии обрушилось».

Наполеон обстоятельно подготовился к походу на Россию. Он собрал огромную армию, состоящую из французов и других народов подчиненных и «союзных» с Францией государств. В наполеоновской армии были австрийцы, пруссаки, саксонцы, баварцы, испанцы, итальянцы, поляки, голландцы и другие. И вот эту первоклассную для своего времени армию—большую, обученную, хорошо снабженную, во главе с искуснейшим полководцем и опытными генералами, армию обширной Французской империи—русский народ, поднявшись на отечественную войну, полностью разгромил.

Не имея достаточного количества собранных войск, под напором сильно превосходящих сил противника, русские вначале отходили в глубь страны. Паники, упадка духа среди отступавших не было, напротив, росло желание нанести поражение врагу, отстоять, защитить родную землю.

Крестьяне охотно шли в армию. Женщины не оплакивали уходивших на войну, как это бывало в другое время. Иногда жены провожали мужей много верст от дома, чтобы время от времени помочь им нести оружие и вещи. Юноши, не получившие разрешения поступить в полки, тайно бежали из учебных заведений и добивались зачисления их в солдаты. В разгоравшихся сражениях героические русские воины неустрашимо рвались вперед. Иногда, когда обстоятельства не требовали наступления, приходилось солдат, неудержимо устремлявшихся вперед, сдерживать силой, отгонять шпагами назад, как, например, в сражении под Смоленском. Противник вынужден был, по собственному признанию, выставлять пушки против отдельных русских храбрецов, чтобы одолеть их.

Энергию и мужество проявляли не только те, которые находились в рядах регулярной армии. Не менее мужественно боролись с вторгнувшимся врагом и крестьяне. Они не давали армии Наполеона ни куска хлеба, ни клочка сена, ни лошадей, ни крова. Все, что нельзя было увезти или унести,—сжигалось, уничтожалось. Французские войска повсюду находили только вражду и ненависть.

Крестьяне по своему почину вооружались, объединялись в отряды и вели против неприятеля партизанскую борьбу. Было создано много и воинских партизанских отрядов. Военными руководителями их вы-

двинулись никому неведомые до того люди из крестьян, солдат, казаков, рядового офицерства. Партизанская война, словно море, бушевала вокруг вторгнувшейся французской армии, обрушиваясь на нее сокрушительными ударами, неся врагу гибель и смерть.

В отечественной войне 1812 года большую роль сыграли донские казаки. Они принимали активное участие в разгроме Наполеона. Деятельность донских казаков неразрывно связана с национально-освободительной войной русского народа против наполеоновского нашествия. Отдельные руководители казачества, как например Денис Давыдов, Платов и другие, являлись талантливыми руководителями армейского партизанского движения, сыгравшего огромную роль в победоносном исходе отечественной войны.

Яркой иллюстрацией отваги, мужества и доблести донских казаков в борьбе с врагом является «реляция Платова Кутузову о действиях донских казаков после изгнания Наполеона из Москвы и бегстве из пределов России» (см. стр. 33).

В настоящем сборнике помещены наиболее значительные материалы и документы об участии донского казачества в войне 1812 года. Они рисуют действия донских казаков в борьбе с войсками Наполеона. Некоторые из документов относятся к истории войны в целом.

Большой интерес представляют материалы и документы, связанные с именем полководца Кутузова. Журналы Кутузова о военных действиях ярко показывают народный характер войны. Примечательны письма Кутузова к войсковому донскому атаману Платову. Они характеризуют проницательность Кутузова, высказавшего сейчас же по выступлении Наполеона из Москвы свою глубокую уверенность в полной гибели французской армии: «Сей отступный марш неприятелю сделается пагубным» (письмо от 18 октября).

Письма убеждают в энергии, в распорядительности полководца. Они лишний раз позволяют убедиться в той простой истине, что если Кутузов и берег всемерно главные силы русской армии, то это отнюдь не исключало его активности в преследовании и уничтожении живой силы противника. Он добивался только, в сложившейся тогда обстановке, истребления иноземных пришельцев не в больших и генеральных сражениях, а в мелких стычках, ослабляя, истощая, изнуряя врага беспрестанными ежедневными и ежечасными нападениями на него, используя при этом силы партизанского движения—такова была тактика Кутузова. Этим великий полководец проявил глубочайшее понимание войны 1812 года, как войны народной.

В переписке с Платовым Кутузов дает высокую оценку действиям донских казаков в разгроме Наполеона.

Донские казачьи полки входили в состав иррегулярных войск. Они были объединены в так называемый летучий корпус, во главе которого стоял Платов.

Кутузов прекрасно знал Платова как искусного воина и ценил его боевые качества. Они оба были «птенцами гнезда» Суворова, вместе под знаменем величайшего русского полководца брали штурмом Измаил и в дальнейшем еще не раз сражались плечом к плечу. Поэтому,

став главнокомандующим, Кутузов сразу же поставил Платова во главе донских казачьих полков.

Материалы и документы сборника говорят о широком участии казаков в партизанском движении. Действительно, казаки проявляли себя в этих действиях превосходно. Во всех крупных и мелких партизанских отрядах, выделенных регулярной армией, мы неизменно видим казаков. Казаки боролись рука об руку и с многочисленными партизанскими группами крестьян, часто поддерживая их, помогая и содействуя им.

Надо сказать, что Платов явно преувеличивал роль казаков в партизанском движении и недооценивал участие в партизанской борьбе русского крестьянства. Он сводил всю партизанскую борьбу к действиям казаков: помимо казаков и вне их действий партизанской войны якобы не было. Несправедливость такого взгляда совершенно очевидна и ясна.

Сами французы способствовали утверждению и распространению толкования Платова о том, что вся партизанская война—это действия казаков. Французы, во-первых, не хотели признать, что их били и уничтожали необученные военному ремеслу простые крестьяне и крестьянки, во-вторых, страх перед казаками у них был действительно так велик, что они всякий неожиданный налет и мгновенное нападение принимали за казачьи атаки. То, что французы готовы были принять всякого русского за казака, замечательно тонко высмеял Лев Толстой в «Войне и мире». Плута и пройдоху Лаврушку, денщика гусарского офицера Николая Ростова, попавшего в плен, Наполеон принимает за донского казака.

Второй раздел сборника характеризует сбор ополчения на Дону и дает представление о первых успехах казаков-ополченцев в сражениях. 6 июля 1812 года правительство обратилось с призывом ко всем губерниям собрать ополчение. 18 июля новым манифестом правительство ограничило призыв ополчения по 16 губерниям и областям. Дон не вошел в это число. Но все же Дон собрал и послал свое ополчение в армию, так сильно было желание донских казаков разгромить скорее врага.

В документах сборника указано различное число полков, выставленных с Дона в ополчение: 21, 24 и 26. Какая из этих цифр отвечает действительности? Надо признать, что по ополчению было собрано 24 полка. Два полка, выступившие 2 сентября, были собраны по предписанию Платова от 26 июня, до проведения призыва в ополчение, и состояли исключительно из служилых казаков. Всего, таким образом, Дон послал в сентябре 1812 года 26 полков, что составило дополнительную армию в 15 тысяч человек. Надо иметь в виду материальные трудности сбора ополчения на Дону. Ополчение в центральных губерниях России вооружалось, обмундировывалось и снабжалось продовольствием за счет дворянства и пожертвований купечества. Казак же, шедший в ополчение, должен был вооружиться, экипироваться и приобрести лошадь на свои средства. Иные семьи не были просто в состоянии этого сделать. Выходили из затруднения тем, что рядовые казачьи семьи помогали одна другой. 1500 ло-

[illegible]адей для ополченцев да[illegible] казачьи поместные дво-
[illegible]яне. Кроме того, они вы[illegible] 3 тысячи ратников из принадлежавших им крепостных крестьян.

В третьем разделе с[illegible]ий материал, характеризующий разгром арм[illegible] в России.

В ограниченном колич[illegible] рисующие преследо[illegible]ние и разгром Напол[illegible] и занятие русской [illegible]мией прусских городов. [illegible]енны, документы эти [illegible]редставляют тем не мен[illegible]енность.

В приложении помещ[illegible], журналы его, доне[illegible]ния о военных действи[illegible] входят материалы иностранной печати того вр[illegible] Австрии), относящиеся к войне 1812 года.

Сборник в целом дает [illegible]о патриотизма, отваги, [illegible]жества и храбрости [illegible] в борьбе с врагом в [illegible]1812 году.

Лучшие традиции донс[illegible]рко проявленные в дни отечественной войны 18[illegible] советское казачество.

Своей героической бо[illegible]и империалистами советское донское казачес[illegible]до славных страниц в историю Великой отечественной войны.

* * *

Предлагаемые вниманию читателей материалы и документы об участии донского казачества в отечественной войне 1812 года, публикуемые в настоящем сборнике, являются частью большого архивного материала о войне 1812 года, хранящегося в Отделе государственных архивов УНКВД по Ростовской области.

В свете нынешних событий материалы и документы героической отечественной войны приобретают особое значение и должны стать широко известны советскому читателю. Некоторые из них публикуются впервые, другие были уже опубликованы в старых изданиях[1].

Публикуемые в данном сборнике материалы представляют большую историческую ценность и являются значительным вкладом при изучении истории войны 1812 года.

[illegible]алы к истории Дона. Новочеркасск, 1900 г.; [illegible] для биографии М. И. Платова, «Военный сборник», 1906 г., кн. 1-я и др.

М. И. КУТУЗОВ
Великий русский полководец

I. БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ДОНСКИХ КАЗАКОВ ПРИ РАЗГРОМЕ НАШЕСТВИЯ НАПОЛЕОНА НА РОССИЮ

ПОБЕДА У МИРА 27-го и 28-го ИЮНЯ 1812 ГОДА

Рапорт командующего казачьим корпусом атамана Платова главнокомандующему 2-й западной армии генералу Багратиону[1]

«Предписание Ваше № 189 получил и имею долгом донести, что все предписанное вами исполняемо будет мною в точности.

Я теперь нахожусь по сю сторону местечка Мира, близ оного, а в Мире с полком полковник Сысоев 3-й[2].

Впереди Мира по дороге к Кореличам поставлена из ста человек застава, как для наблюдения за неприятелем, так и для заманивания его оттуда ближе к Миру, а по сторонам направо и налево в скрытых местах сделаны засады, каждая из ста отборных казаков. Такой способ военных действий называется вентер[3]. Если отрывающие от неприятеля будут стремиться по дороге, тогда застава отступит с намерением с торопливостью и проводит неприятеля сквозь засады, которые тогда делают на него удар, и застава оборачивается ему в лицо. Полк Сысоева 3-го от местечка Мира стремительно подкрепляет.

Ежели удастся сим способом заманить неприятеля, тогда будет не один язык в руках наших.

Дороги из Слонима и Ново-Грудка идущие, полками генералов Карпова 2-го и имени Денисова 6-го[4] прикрыты, как я и до сего вам

---

[1] Рост. обл. ист. арх., ф. 64, д. 100, лл. 36 и 49.

[2] Полки и сотни именовались у донских казаков по фамилиям своих командиров. Право командования было привилегией богатых. Командирами, как правило, назначались люди из узкого круга донской аристократии. Казачья знать крепко держала власть в своих руках, передавая ее по наследству. Отсюда во главе полков часто встречаются командиры, фамилии которых имеют цифровые обозначения: Иловайский 11-й, Греков 21-й, Денисов 6-й, Сысоев 3-й и т. п.

[3] Вентер—рыболовная снасть, применяемая донскими рыболовами. Имеет вид конуса, каркас составляют постепенно уменьшающиеся обручи, конец вентера представляет собой мешок. Обманутая сначала простором рыба в конце концов оказывается замкнутой и, не имея возможности повернуться, продолжает итти вперед и попадает в мешок. По некоторой аналогии, донские казаки описываемый здесь прием военных действий называли вентером.

[4] А. К. Денисов 6-й в 1812 г. в войне не участвовал, жил в Новочеркасске и был наказным атаманом войска донского, т. е. заместителем войскового атамана Платова, находившегося тогда в армии. Полк, которым прежде командовал Денисов 6-й, и в 1812 г. продолжал называться его именем.

доносил, а генерал Иловайский 5-й донес мне, что по слонимской дороге сближается с ним полк Андрианова 2-го.

К генералу Васильчикову отправлены от меня нарочные для успешнейшего препровождения отряда его к теперешнему нахождению моему.

Адъютант ваш Меньшиков по желанию его оставлен мною здесь и доставит вам завтрашнего дня, или, когда случится, донесение мое о действии моем с неприятелем.

№ 60
июня 26 дня 1812 года.
Лагерь при с. Симаковка».

Рапорт Платова Багратиону[1]

«Извещаю с победою, хотя с небольшою, однако, возможно, и не так малою, потому что еще не окончилась прелюдия и бью. Может быть и весь 6-ти полков авангард под командой генерала Турно и Рожнецкого погибнет. Пленных много, за скоростью не успел перечесть и донесть. Есть штаб-офицеры и обер-офицеры. С Меньшиковым донесу. А на первый раз имею долг и с сим вас поздравить. Вот вентер много способствовал, оттого и начало пошло.

У нас урон мал, потому что перестрелки с неприятелем не вели, а бросились дружно в дротики[2] и тем скоро опрокинули, не дав им поддержаться стрельбою.

№ 61
27-го июня 1812 г.
м. Мир».

Рапорт Платова Багратиону[3]

«Взятых пленных при бывшем вчера у местечка Мира сражении при сем к вам представляю с капитаном...[4] Что все они переранены, то это оттого, что по упорству их, до тех пор пока не собьют с лошади, они не сдавались. Из числа их тяжело раненых ввечеру и сегодня в ночь более тридцати человек померло. Осталось же и при сем препровождается—обер-офицеров 3, сержантов и унтер-офицеров 21 и рядовых 191 человек. Всего 215, кроме отправленных вчера с Меньшиковым двух полковых командиров и одного капитана.

26 же июня было отправлено пленных: офицеров 1, унт.-оф. 1 и рядовых 19.

№ 64
28 июня 1812 г.».

Рапорт Платова Багратиону[5]

«Поздравляю вас с победою и с победою редкою над кавалериею. Что донес вам Меньшиков, то было только началом, после того силь-

---

[1] Рост. обл. ист. арх., ф. 64, д. 100, л. 37.
[2] Пики.
[3] Рост. обл. ист. арх., ф. 64, д. 100, л. 40.
[4] Фамилия написана неразборчиво.
[5] Рост. обл. ист. арх., ф. 64, д. 100, л. 44.

ное сражение продолжалось часа 4 грудь на грудь, так что я приказал придвинуть гусар, драгун и егерей.

Генерал Кутейников подоспел с бригадою его и ударил с правого фланга моего на неприятеля так, что из шести полков неприятельских едва ли останется одна душа или, быть может, несколько спасется. Я вам описать всего не могу, устал и, на песке лежа, пишу. Донесу, соображаясь за сим, но уверяю будьте о моем корпусе покойны. У нас урон не велик по сему редкому делу, так как дрались грудь на грудь. Генерал Иловайский получил две раны—сабельную в плечо легко и в правую ногу пулею, но он окончил свое дело. Генерал Васильчиков отлично в моем виде и с первыми эскадронами ударил в лицо неприятелю и во все время удивительно храбро сражался. О нем перед начальством я должен отдать мою справедливость. Полковник Шперберг был при мне и много, много помогал и способствовал сей победе.

№ 67
28 июня 1812 г.
близ Мира на песку».

Письмо Багратиона Платову после победы у Мира [1]

«Душевно вас благодарю. Адъютант ваш мною поздравлен. Осмотритесь хорошенько, если у них пехоты много, то и не вдавайтесь в дело не наверное. Дайте знать тотчас Дорохову, ибо ему приказано ретироваться на Песочину по Слуцкой дороге. Прикажите ему так и следовать. Иловайского 4-го приказал я к вам прислать. Если у них много пехоты, вы заманите их на хорошую позицию, а Воронцова тотчас к вам и пришлю, если нужно будет. Я бы рад к вам быть, но измучен делами, а притом отправил уже в ночь корпус 8-й в поход. Со мною Раевский и Воронцов. По двум нашим победам, я думаю, кавалерия наша устала; ради бога, приостерегайтесь, я боюсь, чтобы нас не задержали долго, а потом их армия войдет к нам во фланг от Минска. Я уверен, что вы не упустите ничего из виду в осторожности.

29 июня» [2].

ПОБЕДА ПРИ РОМАНОВО 2 ИЮЛЯ

Предписание Багратиона Платову [3]

«С получением сего предлагаю вам остановиться в Романово со всеми легкими силами вверенного вам корпуса, употребите все средства остановить неприятеля до глубокой ночи 3-го числа, делая ему со всех сторон нападения. Ночью же извольте выступить и, прибыв в Слуцк, перейдя оный, остановиться по дороге к Глуэску, где имеете оставаться целый день, то-есть до ночи 4-го числа. Сие крайне

---

[1] По публикации *М. С. Жирова*, Материалы для биографии М. И. Платова, стр. 49.
[2] Год и место отправления не указаны.
[3] Рост. обл. ист. арх., ф. 64, д. 22, л. 2.

нужно, дабы дать время всем больным и обозам всей армии иметь свободную дорогу к Мозырю: иначе же ваше скорое отступление сделает жертвой неприятеля обозы армии, а нам стыд и посрамление. Я с гренадерским корпусом остаюсь в Слуцке до завтраго и дам вам знать благовременно о моем выступлении.

Генералу Денисову 7-му я приказал примкнуть к вам. Если вы не послали сильных партий слева в Торчицы, справа в м. Грозово, то нужно поспешить отправлением оных для открытия неприятеля. Я же отсель посылаю в Погостье.

Уверен я, что вы по сим важным обстоятельствам и, дабы нам выйти с честью, обратите все ваше внимание к наилучшему выполнению сего поручения. Впрочем вы сами знать изволите и видеть, что вы не слабее неприятельской кавалерии и в лучшем духе, а сверх того и открытые места дадут вам все выгоды.

№ 107
2-го июля 1812 г.
На походе, г. Слуцк».

Рапорт Платова Багратиону[1]

«Вчерашнего числа неприятель в большом числе кавалерии и пехоты с артиллериею под начальством Вестфальского короля Иеронима[2] и князя Юзефа Понятовского[3], с сильным стремлением наступил при местечке Романове авангардом своим, состоявшим из семи полков: двенадцатого и пятнадцатого уланских, первого, четвертого и пятого шасерских, гусарских, тулинского и конно-гренадерского на корпус мне вверенный, но был донскими полками опрокинут и преследован не менее пяти верст до пехоты и до пушек, где он остатки свои защитил уже пушками.

Два лучшие полка его, первый шасерский и конно-гренадерский, истреблены на прах, да и другие отражены с большим уроном. Доказательством сему служит число пленных, коих взято из тех разбитых разных полков штаб- и обер-офицеров до двадцати, унтер-офицеров и рядовых до трехсот человек. Побито же их многое число, так что дорога и хлебные поля усеяны были везде трупами.

Потом неприятель шел за мною вслед с пехотою и оставшеюся кавалерией с пушками к местечку Романову, куда я после поражения их отходил для соединения с отрядом генерала-адъютанта Васильчикова и при котором поставлены были мною в выгодных местах и разделены на две части пушки донской конной артиллерии с прикрытием 5-го егерского полка под командою полковника Гогеля.

Генерал-майор и генерал-адъютант Васильчиков находился в подкреплении с полками отряда его ахтырским гусарским, киевским драгунским и литовским уланским. Все же донские полки под командою генерал-майоров Краснова 1-го, Иловайского 4-го, Кутейникова 2-го и Карпова 2-го прикрывали оба фланга наши.

---

[1] Рост. обл. ист. арх., ф. 64, д. 99, лл. 3—5.
[2] Жером Бонапарт—брат Наполеона I.
[3] Иосиф Понятовский—военный министр герцогства Варшавского, командир польского корпуса в войсках Наполеона в 1812—1813 гг.

Когда неприятель, сблизившись к местечку Романову, открыл батарею свою из шести орудий в самом близком расстоянии и на близкий выстрел, то шесть же орудий донской конной артиллерии действовали против оной батареи, а другие шесть по наступающим неприятельским колоннам.

Донские полки во время оного действия артиллериею делали неприятелю с обоих флангов атаку.

Последнее дело сие, после отражения артиллерийского огня неприятеля, продолжалось более часу, и неприятель не выдержал нанесенного ему удара и оставил на месте довольное число убитых и отретировался назад к местечку Темковичи. Затем наступила ночь.

По прошествии ночи, сего утра, неприятеля передо мною открывающие партии мои не видали.

Я по повелению вашего сиятельства остался в местечке Романове и при пушках донской конной артиллерии оставил две роты егерей, а генерала-адъютанта Васильчикова с отрядом его отпустил к Слуцку и приказал ему соединиться с отрядом генерала-майора графа Воронцова, взять при Слуцке выгодную для нас позицию, дабы по соединении моем с ними дать там неприятелю сражение, ежели он будет наступлением преследовать.

В сем счастливом для нас деле в оба раза, как при разбитии, так и при наступлении неприятеля участвовали генералы-майоры Васильчиков, граф Воронцов, бывший безотлучно со мною среди сражения и под выстрелами неприятельской артиллерии, Краснов 1-й, Иловайский 4-й и Карпов 2-й. Но и в самой сильной атаке неприятеля и в поражении его среди огня был генерал-майор Кутейников 2-й и получил в левую руку саблею рану и потом, вместе с генералом-майором Иловайским 5-м, который хотя 28-го июня и ранен, находились оба для примера подчиненным и при последнем поражении неприятеля при артиллерии, поощряя тем сражающихся.

Находящийся при мне адъютант великого князя полковник Шперберг, исправляющий при корпусе моем должность дежурного, сверх исполнения сей должности выполнял среди сражений все приказания мои с успехом, равным образом, и состоящий по армии полковник принц Филипп-Этильский, находился в действительном огне, как при разбитии неприятеля, так и при последнем отражении оного.

Адъютант вашего сиятельства лейб-гвардии егерского полка поручик Мухинов поступал храбро и в сражении получил от неприятельского улана пикою тяжелую рану.

О прочих отличившихся в сем деле храбростью штаб-и обер-офицерах по собрании надлежащих сведений имею долг донести вашему сиятельству особым рапортом, равным образом об убитых и раненых с нашей стороны, которых, благодарение богу, в рассуждении большого и упорного сражения сего, небольшое число.

Неприятеля же, как при первом на него ударе, так и при отражении его перед вечером, побито большое число. В плен взято штаб- и обер-офицеров 16 и один доктор, унтер-офицеров, вахмистров и кадетов 31 и рядовых 262, в том числе десять трубачей. Кроме же того оставлено в местечке Романово тяжело раненых, не могущих итти: офицер 1, с

которого взята подписка, что он не должен служить против российских войск всю войну, и рядовых до 40 человек.

Сам я пробыл здесь сегодня до вечера. Последую в ночь к Слуцку.

Сверх того, минувшего июня, 30-го числа в ночь под 1-е июля, когда последовал я с корпусом от Несвижа, оставлен был мною в арьергарде генерал Карпов 2-й с двумя полками: его имени и Денисова 6-го. Поутру 1-го числа неприятельский корпус в Несвиж прибыл. Генерал Карпов 2-й отступил от Несвижа, и когда неприятель выступил вслед за ним (три эскадрона улан), то он, отведя оных от местечка версты на четыре и оборотясь, сильно ударил на них, так что один эскадрон истреблен, а последние прогнаны с неменьшим поражением до местечка и даже в оное. Пленных же 6 человек доставил он тогда ко мне. Потом вел он, Карпов, неприятеля целые сутки ввиду его, до самого места сражения, пред местечком Романовым вчера бывшего. Донес мне по чести и аккуратно о наступлении неприятеля.

№ 71
3-го июля 1812 г.
Лагерь при местечке Романово».

Показания перебежчика[1]

«Лудонг Глут, рейткнехт маршала Нея, показал при допросе следующее:

Вышедши в отставку несколько лет тому назад, определился он рейткнехтом к маршалу Нею, которого войска не слишком любят, ибо за малейшую безделицу он расстреливает. Не доходя Витебска, корпус маршала Нея присоединился к главной армии, но не участвовал в деле, которое было под Витебском. В сражении командовал войсками 1-го корпуса маршал Лефевр, начальник гвардии, на поле он сам присутствовал. В действии были одна дивизия пехоты, одна дивизия кирасирская под командой генерала Себастиани и одна с половиной дивизии кавалерии. Потеря французов в сие сражение весьма велика. 8-й гусарский и 16-й конно-егерский полки совершенно истреблены, многие полковые начальники убиты или ранены. Раненых великое множество. В плен весьма мало взято россиян, но усталых и отстающих берут по сторонам дорог довольное число.

Судя по своему корпусу, он полагает, что во всей армии число людей в полках весьма уменьшилось, в пехотных едва ли наберется 1 500, а в кавалерийских не имеется и 400. Великое множество солдат или разбрелось, или находится по госпиталям. Многие полки не имеют всех батальонов и эскадронов при себе, иные отстали, а другие в откомандировке.

Пехота и кавалерия весьма нуждаются в патронах, которых в сумах весьма мало, оттого что парки далеко отстоят от войск по причине совершенного изнурения лошадей, которые падают ежедневно. Артиллерия терпит от сего также весьма много, укомплектовывают ее

---

[1] Рост. обл. ист. арх., ф. 64, д. 99, лл. 31 и 55.

Даты и места допроса в документе нет. Судя по содержанию показаний, допрос произошел 19 или 20 июля 1812 г. между Вязьмой и Смоленском.

лошадьми мужичьими, но они недостаточны, будучи слабосильны и прослужив дня два, падают. Вообще артиллерия отстает от пехоты, при ней теперь есть весьма мало орудий против россиян. Половина конной артиллерии потеряла своих лошадей, почти не менее того терпит кавалерия. От усталости она теряет ежедневно лошадей. Более нежели третья часть посажены на мужичьих лошадях.

Войска почти не видят хлеба, который весьма редок, говядину и водку получают в достаточном количестве. Корпус маршала Нея пришел в окрестности местечка Рудни 18-го. За ним следовал король неаполитанский с частью кавалерии.

19-го числа он, Глут, бежал на маршальской лошади, дабы поселиться в Москве, где он имеет дядю, богатого купца Карла Поули. 18-го числа он слышал в квартире маршала от адъютантов, что все войска остановятся для отдохновения неделю и чтобы отставшая артиллерия и парки присоединились».

ГРАБЕЖИ НАПОЛЕОНОВСКОЙ АРМИИ

Рапорт Платова главнокомандующему 1-й армии Барклай де-Толли[1]

«Вчерашний день полка Грекова 18-го сотник Копылков с 20 казаками находился в селении Тишине на заставе. Узнав от жителей, что в сельцо Надва приходила накануне небольшая французская команда с офицером, которая двор там разграбила, Копылков, оставя при Тишине 5 казаков, с остальными отправился в упомянутый двор, где застал неприятельского поручика Калио с 11 конными егерями, которых, по некотором сопротивлении, всех взял в плен. Из них офицера, со взятым с него допросом, при сем поспешаю доставить к вам. Прочие пленные, и сверх того 6 человек разных полков французов, захваченных вчерашний вечер разъездом казаков Денисова 7-го, сегодня доставлены будут в главное дежурство.

Неприятель находится на тех же местах, что и вчерашний день был. Нынешний день движения не имел.

№ 105
25-го июля 1812 г.
В лагере при деревне Шаломице»

Из рапорта Платова Барклай де-Толли[2]

«...Долгом поставляю довести до сведения вашего необыкновенный образ войны, употребляемый французами, приличный одним только варварам. Мало того, что они грабят селения, помещичьи дома, бьют жителей и насильничают жен их и дочерей, с священническим саном поступают немилосердно, бьют, вяжут и выпытывают от них деньги. Самые святые православные церкви не избегают от неистовства

[1] Рост. обл. ист. арх., ф. 64, д. 99, л. 38.
[2] Рост. обл. ист. арх., ф. 64, д. 98, лл. 41 и 51.

французов, святые сосуды и утварь разграбливаются и в селе Инкове в церкви на вынесенных святых образах французские солдаты мыли и развешивали нижнее исподнее платье.

Не благоугодно ли будет Вам сей истинно описанный образ войны нашего неприятеля поставить на вид и в известность всему отечеству. Подобное извращение воздвигнет в сердце каждого праведное рвение к мщению и ревность к учинению всяких пожертвований, дабы изгнать из пределов отечества жестокосердного и несправедливого неприятеля.

№ 109
26-го июля 1812 г.
Лагерь при деревне Бородавке».

СРАЖЕНИЕ МЕЖДУ ДЕРЕВНЯМИ МОЛЕВО-БОЛОТО И ЛЕШНЕЮ 27 ИЮЛЯ

Реляция Платова Барклай де-Толли[1]

«Сего числа, в 4 часа по полуночи, находящийся в авангарде моем генерал Денисов 7-й донес мне, что неприятель в 9-ти полках кавалерии и одним пехоты следует от деревни Лешни по дороге, где я находился впереди деревни Зарубенки. Почему приказал я ему, Денисову, неприятельский авангард, в 4-х кавалерийских полках бывший, удерживать, а сам, с находящимися при мне полками и 12-ю орудиями донской конной артиллерии двинулся постепенно вперед и, сближаясь к неприятелю при деревне Молево-Болото, где он со мною повстречался, приказал генералу Денисову 7-му с полками, именно, его и подполковника Мельникова 3-го, прибавя к ним бригаду генерала Иловайского 5-го, в двух полках состоящую (под командою подполковника Грекова 13-го и двести человек башкир при адъютанте моем поручике Жилине), ударить на неприятельский авангард, который храбростью оных полков был в глазах моих опрокинут и преследуем до двух верст, до оставшихся в подкреплении оному авангарду еще пяти неприятельских кавалерийских полков и одного пехотного.

Тогда неприятель сильно стал наступать на мой авангард, за которым вслед шел я не более версты, с оставшимися при мне полками, и увидя сильное неприятельское наступление, пустил с правого моего фланга в его левый полки: весь Атаманский[2], Харитонова 7-го и Симферопольский татарский, под командою генерала Кутейникова 2-го, который только-что освободился в течение месяца от полученной им в сражении при местечке Мира в правую руку саблею раны. Сам я с донскою конною артиллериею и находящимся при мне конвоем был в центре, где способствовал мне генерал Иловайский 5-й, также освобождающийся только от полученной им в сражении при Мире в правую ногу пулею раны.

Тут вышло упорное сражение, продолжавшееся более часу, так что неприятельский кавалерийский полк под командою полковника,

---

[1] Рост. обл. ист. арх., ф. 64, д. 16, лл. 1—4.

[2] При войсковом донском атамане был особый полк с двойным против обыкновенных полков числом казаков (1 000), он и назывался атаманским.

с подкреплением батальона пехоты их, сражался против картечных выстрелов наших и даже приближался к пушкам не более, как на 60 сажен, кои были в опасности (чему доказательством служит то, что артиллеристы и артиллерийские лошади были ранены неприятельскими пулями), если бы не подоспели два казачьих полка Мельникова 3-го на пехоту и Харитонова 7-го на кавалерию во фланг неприятеля. Отличившийся во многих случаях неустрашимою храбростью подполковник Мельников 3-й, к сожалению, убит, но полк имени его не остановился. Харитонов же остановил поражением неприятельский кавалерийский полк, и командовавший им полковник с некоторыми подчиненными своими взят в плен.

После этого с нашей стороны со всех пунктов сделана была неприятелю сильная атака, простиравшаяся с фланга на фланг не менее полуторы версты. Неприятель храбростью российских войск совершенно опрокинут и преследован с большим поражением на двуверстное расстояние. Между тем по данному от меня известию подоспели ко мне в сикурс находившийся не в близком от меня расстоянии генерал Пален с тремя гусарскими полками: Изюмским, Сумским и Мариупольским. Ему я препоручил дальнейшее преследование и поражение неприятеля, а сам по нездоровью моему остался на месте. Он его преследовал еще кроме прежнего до восьми верст. Неприятель ретировался бегством к стороне местечка Рудни, до находящейся по дороге к оному местечку довольного числа пехоты и пушек его, пока шедший отколь на защиту остатков своих неприятель начал палить из пушек, чем и кончилось сражение.

8236

Генералу Палену по уведомлению его дал я приказание мое остановиться и далее не подвергать войска опасности, дождавшись же ночи, отступить к деревне Лешни, оставя на том месте, где кончилось преследование неприятеля, извещательную заставу, что им и исполнено.

Неприятель потерял большое количество если не больше, то, по крайней мере, половину кавалерийского корпуса; из пехотного же полка осталось не больше ста человек, и те спаслись кустарниками. В плен взято: полковник полка конно-егерского, подполковник гусарский, майор один, обер-офицеров 7, разных полков унтер-офицеров и рядовых еще не сочтено, но полагательно, что будет более трехсот человек. Неприятель пардона не просил, а войска российские, быв разъярены, кололи и били его.

Командирами были неприятельского войска сего генералы: Монбрюн и Себастиано. С нашей стороны убитыми урон не велик, а более ранеными, о которых долг имею донести вам, как и об отличившихся, подробно особым рапортом моим.

Сейчас получил я повеление ваше, чтобы возвратиться мне на первый мой лагерь и, оставаясь там, дожидаться присоединения авангарда 2-й западной армии, а потом принять следование направо к Холму и Пореченскую дорогу. Что мною и будет исполнено.

№ 110
27-го июля 1812 г.
Лагерь».

СРАЖЕНИЕ ПРИ БОРОДИНО 26 АВГУСТА

РЕЙД ПЛАТОВА И УВАРОВА НА ФЛАНГ И В ТЫЛ НЕПРИЯТЕЛЯ

Реляция Платова Кутузову[1]

«Получив 25-го числа прошлого, августа месяца, ввечеру приказание вашей светлости, отправился я на правый фланг 1-й армии, располагавшейся в боевой порядок у селения Бородина, и сделав

М. И. ПЛАТОВ
Атаман Донского казачьего войска

в ночь распоряжение казачьими полками, находившимися под командою генерала-майора Иловайского 5-го, отправил вправо верст за пятнадцать отряд под командой полковника Балабина 2-го из пяти сотен полка атаманского для наблюдения за неприятельским движением, дабы он не мог зайти за фланг наш. Подполковнику Власову 3-му с полком его имени приказал, имея наблюдение за не-

---

[1] Рост. обл. ист. арх., ф. 64, д. 28, лл. 1—3.
На оригинале реляции сверху, рукой ее составителя, написано «оставлено». Видимо, она не была отослана Кутузову. Даты в рукописи нет. Судя по началу текста, реляция написана в сентябре.

приятельским движением, связываться постами с полковником Балабиным и в случае надобности подкреплять оного Балабина.

Сам с полками Иловайского 5-го, Грекова 18-го, Харитонова 7-го, Денисова 7-го, Жирова, частию полка атаманского и Симферопольским конно-татарским, с 7-ми часов утра 26-го числа выступил из лагерного расположения и следовал на левый фланг неприятельской армии, и пока прибыл в подкрепление ко мне кавалерийский корпус под командой генерала-лейтенанта Уварова, действовал я наступательно на неприятельскую кавалерию и пехоту, в лесу бывшую, неоднократными ударами в дротики опрокидывал кавалерию с поражением и взятием до двухсот в плен конных и пехотных стрелков.

По прибытии вышеупомянутого кавалерийского корпуса под командою генерала-лейтенанта Уварова, повел атаку на неприятельский левый фланг, состоявший направо селения Бородина, и, потеснив неприятеля, заставил имевшимися у него, Уварова, пушками неприятельскую батарею, у самого леса бывшую и действующую на корпус, замолчать. Я, вместе с тем, приказал вышеупомянутым донским полкам, присоединив и полк Власова, приняв направо, частию во фланг, а части и в тыл, за помянутый лес, сделать стремительный в дротики удар на неприятеля.

Неприятель, за лесом находившийся, был опрокинут стремительным ударом тех полков с сильным поражением, оставив на месте убитыми не мало, в плен взято во все поражения более двухсот пятидесяти человек разных чинов, которые тогда же и отправлены в главное дежурство 1-й западной армии.

После сильных поражений сих, неприятель хотя и делал наступление, но был прогоняем неоднократно с поражением до самой ночи. Полковник Балабин, находясь на фланге, даже частию и в тылу, тревожил неприятеля и поражал довольно, доставил пленных уже на другой день по присоединении ко мне.

Представляя в начальническое благоуважение вашей светлости неутомимую деятельность и отличное мужество, оказанное в сем сражении командовавшими донскими полками г-на генерал-майора Иловайского 5-го и споспешествовавших в сильном поражении неприятеля во все продолжение сражения полковых командиров подполковника Власова 3-го, а особливо подполковника Харитонова 7-го, который на всех ударах был впереди, войскового старшины Жирова, командующего полком Денисова 7-го, войскового старшину Победнова и Симферопольского конно-татарского полка подполковника Балатукова, которые, командуя вверенными им полками, оказали пример храбрости и подавали тем пример всем подчиненным своим, и, прилагая им у сего именной список, покорнейше вашу светлость прошу по заслугам из следующего награждения».

II. ОПОЛЧЕНИЕ НА ДОНУ В ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ 1812 года

Предписание войскового атамана Платова своему заместителю на Дону Денисову 6-му о дополнительной присылке казаков в армию и подготовке проведения всеобщего ополчения[1]

«По настоящим обстоятельствам войны предусматриваю я надобность в увеличении сил войска донского. Поэтому должно оно по первому воззванию быть готово к ополчению против врага общего спокойствия и тишины, восстающего против отечества нашего.

Рекомендую вам по получении сего сделать обще с воинскою экспедициею как наискорее наряд по всему войску офицерам, урядникам и казакам.

По наряде выкомандировать их из войска командами порознь, не дожидаясь одна другой, а какая прежде наряжена будет выступать в поход, ту и отправлять, начиная с нижних станиц. В каждой команде, сколько соберется, но не менее от трех до пятисот человек, при пристойном числе по усмотрению вашему наличных офицеров. Истребовать силою сего предписания моего на путевое продовольствие каждой команде надлежащее количество денег для покупки провианта, из провиантской комиссии в крепости св. Дмитрия пребывающей.

Команды сии по снабжению их деньгами на путевое продовольствие, а офицеров, с ними командируемых, наставлениями, чтобы во время следования в пути ни малейших обид и притеснений жителям тех селений, чрез которые проходить и при коих ночлеги иметь будут, чинимо и безденежно ничего брато не было; под опасением штрафования офицеров, так как они должны благовременно требовать от земских начальств отвода для лошадей пастбищных мест и делать покупку провианту, где магазинов не случится, по установленным ценам,—отправлять по маршрутам, которыми вы их снабдите, на Смоленск, а потом далее до места нахождения 1-й западной армии, разведывая об оной, ибо я буду при ней находиться. Переходы делать им сряду три дня от 30 до 35 верст в сутки, а на четвертый день иметь роздых.

Из присланных казаков поступит некоторое количество на укомплектование полков, в армиях находящихся, на место убылых разными случаями, каковых до сего времени очень мало, а из оставшихся составятся полки, для чего и извольте прислать ко мне десять полковых знамен из имеющихся при войске.

[1] Рост. обл. ист. арх., ф. 61, д. 101, лл. 2—3.

Полковые командиры и чиновники назначатся мною в сии полки, когда прибудут ко мне команды; из находящихся здесь господ штаб- и обер-офицеров, которых за отличную храбрость и ревностную службу отечеству произведено здесь достаточно; впрочем усердие ни от кого не отнимается. Равным образом можете назначить и для командования полками из наличных при войске штаб-офицеров, но только таких, которые оказали храбрость свою и исправность по службе, если бы вызвались таковые и из числа находящихся в должностях.

При наряде вышепрописанных сортов офицеров, урядников, казаков и калмыков сделайте воззвание чрез сыскные начальства, с прописанием надобности в усилии войска нашего и к отставным чиновникам и казакам, что и они должны быть готовы к поднятию оружия по силам своим на злоковарного врага, нарушающего спокойную жизнь их, каковою пользуются они в недрах отчизны своей.

Внуша всем им, что война сия не есть продолжительна и зависит от общего и единодушного ополчения противу нашествия врага, по одолению которого возвратятся все со славою в дома свои, а останутся в полках те только, в которых настоять будет необходимая надобность, в чем могу я заверить всех моею честью.

Надеюсь, что вы все сие исполните в точности и подтвердите всем о поспешнейшем следовании прямейшею дорогою через Смоленск к армии, для чего и посылаю с сим нарочного фельдъегеря.

№ 106
26 июня 1812 г.
В лагере при дер. Шелдминце».

Из донесения войсковой канцелярии атаману Платову о принятых мерах по проведению ополчения на Дону[1]

«В войсковой канцелярии слушан высочайший манифест[2], препровожденный при указе Сената и полученный через нарочного курьера 20-го числа сего месяца.

Во исполнение означенного манифеста, к составлению с земель войска донского всеобщего воинского ополчения, учинить следующее:

1. В сыскные начальства послать зараз с нарочными указы и велеть с получением оных, тотчас по прочтении помянутого манифеста на полных станичных сборах, всех имеющихся в наличии при войске служилых, отставных всякого сорта, льготных и маловажными иногда должностями занятых штаб- обер-офицеров, урядников и писарей, казаков и выростков до 17-летнего возраста, включая и оный, не изъемля ни единого, могущего только носить воинское оружие, кроме весьма дряхлых, равно сущих калек и жестоко больных, совершенно не способных к походу,— привесть число их в самовернейшую известность и, учиня им списки и перечни постанично и по начальствам,

---

[1] По публикации *Ив. П. Попова*, Материалы к истории Дона, Новочеркасск, 1900 г.
[2] От 6 июля 1812 г.

с разделением каждого сорта особо, как возможно скорее, именно с теми ж нарочными, прислать оные сюда. Затем членам начальства обще с станичными правителями, оставя все дела (кроме самонужнейших иногда), всех оных чиновников, казаков и выростков стараться денно и нощно и неусыпно всеми возможными способами привести в исправное состояние, как лошадьми, так и воинским оружием, приказав запастись и провиантом на месяц. К лучшему ж в сем вооружении успеху велеть тем, у кого имеется излишнее оружие, снабжать оным неимущих иногда сотоварищей своих, а при том приказать станичным правителям, найдя пильщиков и столяров или плотников, делать ратовья, а в кузницах готовить дротики, каковыми и снабдить каждого, кто не имеет у себя оных, с тем, чтобы ни один не мог остаться без оружия, а затем остатки хранить за присмотром станичных правителей, продолжая такое приготовление оружия и делая впредь до повеления, и о числе оного начальствам еженедельно доносить сюда. Из приготовленных же к ополчению чиновников, казаков и выростков ни одного человека от жилищ никуда вдаль, кроме нужного времени на исправление себя оружием и снабжением провиантом, не увольнять, подтверждая всем строжайше, чтобы по первому вслед за сим будущему повелению могли выступить в 24 часа и следовать, куда назначено будет. Причем черкасскому начальству дать заметить, что все вышеписанное относится, как на жителей города Новочеркасска, так и на вновь поселенные за Доном четыре казачьи станицы.

2. Приставу над калмыками предписать: собрать немедля сотенных атаманов и обще с ними исчислить также всех, могущих носить оружие калмык, не исключая ни гилюнов, гицулей, ни отставных, ни льготных, ни бедных, ни малолетков, полагая до 17-летнего возраста, кроме сущих калек, равномерно весьма дряхлых и одержимых иногда жестокими болезнями, не способных к походу. О числе их тотчас донести сюда с нарочным. А самому приставу с сотенными начальниками стараться возможно всех их вооружить, заимствуясь для неимущих один у другого оружием, буде же и затем останутся пешие или без оружия, о таковых особо сюда доносить. Причем рассеянных из них частями собрать на кочевье к их сотням, дабы в случае похода в 24 часа могли и они все выступить и следовать, куда повеление будет. О необходимости такой готовности к походу дать знать и коллежскому советнику Балтык-бею, предписав ему приготовить к тому же состоящих в ведении его пришедших сюда с Молочных вод и причисленных к войску татар, и о числе их донести сюда.

3. Рабочих полков[1] здесь находящихся чиновников и казаков, сняв с работ и удовлетворя заслуженным ими и полученным от казны, уволить тотчас в дома единственно для вооружения себя потребным, где и позволить им пробыть самое короткое время. Затем во всей воинской исправности с месячным провиантом и на добрых лошадях

---

[1] Так назывались казачьи полки, работавшие на строительстве города Новочеркасска.

выслать и их на сборные места, которые для них назначаются: для Ягодина 2-го полка—в Каменской станице, для Гревцова—в Нижней-Кундрючевской, где и должны они состоять во всей к походу готовности.

Велеть еще спустить и находящихся по ненужным кордонам по непропуску беглых, отставных и служилых казаков, как-то: 1) по Кагальнику под командою хорунжего Дуткина в числе 36-ти человек и 2) по-над рекою Доном под командою майора Карнеева в числе 40 человек и обратить их к числу сего же ополчения.

4. Находящихся здесь в Новочеркасске и сыскных начальствах при разных местах в годовом карауле пеших казаков велеть зараз тем же местам, где они в ведении состоят, вооружить саблями, ружьями или по крайней мере пистолетами и дротиками, а при том предписать здешней полиции, тотчас учиня им личный смотр, всех из них служилых и годных к службе отметить особо, и, сделав им списки, донести сюда к рассмотрению, для обращения и их к всеобщему ополчению.

5. Имеющуюся при войске конную артиллерию в 6 орудий, обозрев лично, тотчас исправить всем потребным и укомплектовать, как людьми, так и лошадьми, ради чего и вызвать сюда есаула Каменщикова. Причем велеть ему же приготовить потребное число для всего воинского ополчения пороха и свинца, который по смете, сколько оного где потребно, через нарочных подводами немедля куда следует и разослать вслед за сим.

6. Всем помещикам войска, а где оных нет, управляющим их имениями, те же сыскные начальства теперь же обязаны через нарочных своих оповестить о манифесте и велеть, чтобы и они по точным словам оного манифеста, из находящихся у них людей, найдя, сколько можно будет, и общим попечением, снабдя их воинским оружием и месячным провиантом, приготовили к требуемому ополчению. Кем именно и сколько приготовлено будет, зараз донесть начальствам. Особо дать знать помещикам и о том, что упомянутые их люди должны поставлены быть в такую готовность, дабы по будущему за сим повелению могли в 24 часа выступить в поход и следовать, куда назначено будет.

7. Имеющееся здесь и в Старочеркасске, равно в Аксайской воинское оружие велеть все посортно описать, показав цены, во что хозяевам оно стоит, и описи прислать сюда, впрочем желающим позволить продавать, только не возвышая цен, за чем полиции и наблюсти. Причем велеть комиссии здешней по устроению города, найдя пильщиков и столяров, делать ратовья, а полиции готовить в кузницах дротики, о чем им и предписать. Сверх чего велеть то и другое готовить равномерно в Старочеркасске и в Аксае, что все в том и другом месте и возложить на тамошних начальников, и велеть о числе сделанного доносить еженедельно сюда.

8. К лучшему успеху приготовления воинских людей на ополчение и ради должного распоряжения по сей части, в каждом сыскном начальстве назначить особых окружных начальников. Им особенно наблюсти, во-первых, что из способных к поднятию оружия на

отражение неприятеля чиновников, казаков и выростков ни один не остался нигде сверх штата и необходимой по службе надобности праздным; во-вторых, что и самые должности в станицах, не заключающие в себе дальнейшей важности, как-то: есаульские, писарские, табунщичьи и тому подобные, заняты были людьми престарелыми и увечными, а способные к службе тотчас сменены должны со оных и присовокуплены к сему ополчению, и, в-третьих, что все без изъятия в самой скорости приведены должны в такое состояние к походу, чтобы по первому воззванию тотчас выступить могли, куда предписано будет.

9. С находящихся на почтах со внутреннею службою казаков хотя и подлежало бы некоторую часть обратить на ополчение, но как теперь на случай экстренности и ради частых посылок по делам весьма нужно иметь в исправности и почты, то посему и оставить их до времени в нынешнем положении.

10. Запросить, куда и к какому времени повелено будет ополчаемых выслать, поясняя и то, что войсковая канцелярия по собрании вернейших сведений о числе их рапортует в самой скорости, и что канцелярия надеется по усердию войска на защиту отечества собрать и выставить конных казачьих полков более десяти, не включая тех, кои составлены будут еще из помещичьих людей.

№ 14171
Июля 23 дня 1812 г.
г. Новочеркасск».

Рапорт наказного атамана Денисова 6-го войсковому атаману Платову о продолжении сбора казаков в ополчение, несмотря на указание правительства об ограничении сбора ополчения только некоторыми губерниями[1]

«За отправлением моего к вам прошлого июля месяца донесения, что в войске донском по манифесту 6-го июля готовится из служащих и отставных штаб- и обер-офицеров и казаков общее ополчение на отражение неприятеля, получен здесь манифест, изданный в Москве 18-го июля, коим повелено составление внутренних сил по прочим губерниям, в том манифесте не означенным,—оставить без всякого действия, доколе не будет надобности употребить их отечеству к жертвам и услугам.

Рассудив обще с войсковою канцеляриею, что служилые войска донского чиновники и казаки в наличности при войске, до четырех тысяч состоящие, оставленные во оном по разным домовним надобностям, как равно и самые отставные, число которых приводится ныне в известность, составляют собою класс воинских людей, я по войску донскому предписал: продолжая со всемерною деятельностью и поспешностью зачатое приуготовление их к выступлению в поход, составлять и самые полки, чтобы оные, не отрываясь ни малейше от домов своих, были совершенно готовы выступить по получению

---

[1] Рост. обл. ист. арх., ф. 61, д. 101, лл. 17 и 59.

повеления в двадцать четыре часа. Два рабочие полка, снабдив себя воинским оружием, стоят в совершенной готовности к выступлению, как и шесть орудий конной артиллерии, укомплектованные по штату людьми, зарядами и прочими принадлежностями сполна.

Я при сем случае долгом поставляю донесть, что войска донского дворянства, приуготовившиеся без изъятия на защиту отечества, сверх того пожертвовало от себя 1 500 седельных лошадей для исправления оными неимущих казаков.

То же самое дворянство из 76 858-ми состоящих за ним крестьянских душ приуготовило 3 074 ратников и, справя их из собственного своего кошта приличною сему случаю одеждою, оружием и снабдив от себя на шесть месяцев провиантом, которые ныне по манифесту, 18-го июля изданному, остаются при домах своих во всякой готовности на случай надобности в них.

Восемнадцати и семнадцатилетние малолетки присоединяются также в состав общего из войска донского ополчения казаков.

Генерал-майор *Денисов 6-й*

№ 5154
5-го августа 1812 г.
г. Новочеркасск».

Из предписания войскового атамана Платова наказному атаману Денисову 6-му о немедленном выступлении с Дона полков ополчения и форсированном их следовании к армии[1]

«Получив отношение войсковой канцелярии от 23-го июля № 14171 через нарочного, я все сделанные ею распоряжения об ополчении всего войска нашего на защиту отечества против злоковарного врага, как оные повеления, сделанные из ревностнейшего усердия,—утверждаю, одобряю и приношу ей заочно благодарность мою.

Теперь я по высочайшему повелению прибыл в Москву для получения личных приказаний об ополчении войска нашего, но, не имев счастья получить высочайшего присутствия здесь, объяснился о всем подробно, в рассуждении ополчения войска нашего, с главнокомандующим Москвы генералом Ростопчиным и отправляюсь поспешно сего вечера обратно в армию, а сего нарочного отправил с сим решительным уведомлением моим к вашему превосходительству и особым войсковой канцелярии преуведомлением, чтобы все наряженные из войска служилые отставные чиновники и казаки и все приготовленные к ополчению, при тех самых генералах и полковниках, кои назначены, высланы были по получении сего в 24 часа в поход, кроме 17- и 18-летних выростков, которых не посылать, ибо они по молодости лет своих будут составлять один только счет, а при том надобно, чтобы они оставались в домах сколько для отбытия по внутренности войска повинности, столько и для надзора за имуществом. Положите же в число выступающих в поход только 19- и 20-летних выростков.

[1] Рост. обл. ист. арх., ф. 64, д. 104, лл. 11—13.

Всему наряженному войску следовать прямейшими дорогами к Москве, форсированно, без роздыхов, делая переходы не менее 60 верст в сутки. Прибывающим к Москве разыскивать о месте нахождения армии и итти для соединения к оной, а мне заблаговременно с нарочным доносить для надлежащих распоряжений.

Те же команды, которые наряжены из войска, по посланному пред сим с нарочным повелению моему к вам от 26 июля № 1016— не останавливать, а должны они следовать, для отыскания которых и отправил я отсюда нарочного, приказав им итти форсированно и без роздыхов к Москве. Нарочному сему я дал открытое повеление тем генералам, кои от войска отряжены, но нужным нахожу, чтобы и вы с своей стороны подтвердили им о том через нарочных, ибо я сейчас получил сведение от прибывшего сюда с Дона войскового старшины Конькова, что из Хоперского начальства таковые команды уже выступили.

Я в полной уверенности, что вы общим содействием войсковой канцелярии употребите все средства к самопоспешнейшему выкомандированию из войска в поход приготовленных к тому чиновников и казаков...

№ 1079
22 августа 1812 г.
Москва».

Черкасскому Сыскному начальству[1]

Получив ваш рапорт от 29-го августа относительно пожертвованных Старочеркасской станицы казаком Иваном Журкиным—по случаю настоящего ополчения, из усердия своего к отечественному благу— четырех лошадей и прочего воинского оружия,—я о благонамеренном поступке казака Журкина приятною для себя обязанностью поставил теперь же предписать сыскным начальствам оповестить немедленно по ведомствам своим через нарочных. Черкасскому начальству предлагаю также по получении сего тотчас через нарочных оповестить по всему своему ведомству о пожертвовании сем, и именно, в чем оно состоит, с таким в каждой станице нарочным объявлением, что если будут и другие чиновники и казаки, которые из любви к отечеству захотят также приносить по мере жертву, как-то: на продовольствие армии волов и яловых коров не моложе четырех лет, то оную от таковых благонамеренных принимая по станицам, доставлять с надлежащим сбережением в начальство, которое, приняв заботу довольствовать их на лучших пастбищных местах, должно в то же время всякий раз с почтой давать мне знать о имени пожертвовавших и числе пожертвованного, для донесения с моей стороны о том куда следует.

Генерал-майор *Денисов 6-й*

№ 6229-й
2-го сентября 1812 года
Ново-Черкасск».

[1] Рост. обл. ист. арх., ф. 64, д. 104, л. 44

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПОЛКОВ ОПОЛЧЕНИЯ С ДОНА

Рапорт фельдмаршалу Кутузову наказного атамана Денисова 6-го[1]

«Составивши по манифесту 6-го июля в войске донском из служилых и отставных офицеров, урядников и казаков, могущих по летам и здоровью своему носить оружие, общее ополчение на защиту отечества, я по повелению войскового атамана Платова выкомандировал сие ополчение в большую действующую армию под команду вашей светлости из разных сборных мест: сего сентября 8-го числа два полка, 11-го шесть орудий донской конной артиллерии, укомплектованных надлежащим числом людей и снарядов, 12-го четыре полка, 13-го три, 14-го пять, 16-го пять, 17-го два и настоящего 18-го числа три. Итого шесть орудий и двадцать четыре полка.

Им предписано следовать форсированным маршем в сутки по шестидесяти верст по данным маршрутам на город Тулу и явиться к господину войсковому атаману. Начальниками сих полков, кроме полковых командиров, штаб-офицеров, последовали генерал-майоры Иловайский 3-й, Греков 1-й и Греков 3-й, о чем вашей светлости почтеннейше доношу.

Генерал-майор *Денисов 6-й*

№ 6777
Сентября 18 дня 1812 г.
ст. Урюпинская».

ПРИБЫТИЕ ПОЛКОВ ДОНСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ В АРМИЮ

Рапорт войскового атамана Платова фельдмаршалу Кутузову[2]

«Вашей светлости долгом поставляю донесть: девять полков с Дона к армии прибыли на прошедших днях разным проследованием. Из них, по воле вашей светлости, один, войскового старшины Попова, командирован под команду подполковника Давыдова к Вязьме, два полка, полковника Андриянова и войскового старшины Андриянова, откомандированы 2-го числа сего месяца из Калуги в корпус генерала Шипелева к стороне Брянска, а полк войскового старшины Гревцова употреблен в партию с капитаном артиллерии Сеславиным.

Прочие же пять полков в авангарде армии, как-то полковника Ягодина и войскового старшины Кутейникова на левом фланге армии, полковника Чернозубова и майора Ежова на правом фланге, войскового старшины Сучилина со вчерашнего числа в центре авангарда.

Сверх сих девяти полков, как из донесений нарочно приехавших ко мне известно, прибудут к армии: завтра—бригада Грекова 1-го в трех полках, послезавтра Иловайского 3-го в трех же полках. Я приказал им, в сходство приказания вашей светлости, данного мне, явиться им на левом фланге армии. Я сделаю им мой должный смотр

---

[1] Рост. обл. ист. арх., ф. 64, д. 104, л. 75.

[2] По публикации *Ив. П. Попова,* Материалы к истории Дона, Новочеркасск, 1900 г.

и подтвержу о долге, для которого они сюда призваны, каковой прибывшим уже выше прописанным полкам мною лично сделан.

А остальные полки, из войска сюда идущие, чрез четверо суток придут к армии непременно, коим навстречу от меня послано, чтобы они не менее делали в сутки марш, как пятьдесят верст, и ночлеги бы не считали, а делали одни привалы.

№ 1297
Октября 5-го дня 1812 г.
с. Большое Леташево».

ПЕРВЫЕ ПОБЕДЫ ПОЛКОВ ДОНСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ

Донесение войскового атамана Платова Александру I [1]

«26-го июня имел я счастие донесть вашему величеству о сделанном генерал-майору Денисову 6-му предписании о выкомандировании с Дона оставшихся там служилых чиновников и казаков, составя из них сколько будет полков и команд на укомплектование недостающего количества, на место убитых и от ран умерших, в полках в армиях находящихся.

Четыре таковых полка и две команды, числом 830 человек, прибыв с поспешностью к армии в последних числах сентября, по распределении последних на укомплектование полков, в которых еще недостало 150 человек, были оные в сражении с неприятелем 6-го числа сего месяца, при разбитии оного у деревни Спасской [2] и отличили себя при поражении неприятеля, при котором отбито у него 18 пушек.

Затем с 29 сентября по 11 число сего месяца прибыли к армии и остальные с Дона из отставных и частию льготных чиновников и казаков в ополчении 21 полк при генерале Грекове 1-м, Грекове 3-м и Иловайском 3-м, которые какого дня прибывали к армии, того же и употреблены были в разные места к действию.

13 числа сего месяца находились они со мною по повелению фельдмаршала Кутузова в тылу неприятеля и, быв побуждаемы ревностнейшим рвением на защиту отечества от нашествия врага, оказали заслугу.

Первый отряд под командою генерала Алексея Иловайского у Малоярославца разбил неприятеля с жестоким поражением, отбил у него 11 пушек.

Другой, находившийся в самом тылу неприятеля, близ города Боровского, под командою генерала Кутейникова 2-го, напав на врага, положил на месте и взял в плен довольное количество, в том числе одного неприятельского дипломатика с картами и нужными бумагами, открывшими неприятельские замыслы, писанные рукою Бертье [3].

А третий, под командою полковника Иловайского 9-го, впереди Медыня отбил пять пушек, побил довольно и взял в число пленных неприятельского генерала Хацкевича.

---

[1] Рост. обл. ист. арх., ф. 61, д. 107, лл. 33 и 38.
[2] Это сражение известно больше под названием «Тарутинского».
[3] Маршал Наполеона, начальник генерального штаба.

Теперь, за отправлением к Гжатскому шести полков под командою генерала Орлова-Денисова, я с прочими полками преследую ретирующегося гордого неприятеля по следам его на выстрел и разными дорогами. Каждый день по возможности бьют его, в плен же берут некоторых и то по человечеству.

О подвигах донского войска, в ополчении сюда прибывшего, и других полков, в армии состоящих, полагаю, донесет вашему величеству фельдмаршал.

Пред сим получил я с Дона донесение, что там пойман шпион со стороны неприятельской—польский полковник граф Платер, который взят под караул и сознался уже в злодейских замыслах своих. Я отправил за ним фельдъегеря для доставления его оттоль за караулом к главнокомандующему армией и донес ему о сем. Полагаю, что оный шпион откроет и других.

Октября... дня 1812 г.»[1].

ПОЛКОВОДЕЦ КУТУЗОВ О ДОНСКОМ ОПОЛЧЕНИИ

Письмо фельдмаршала Кутузова Платову[2]

«Что мне желалось, то бог и государь исполнили:—я вас вижу графом Российской империи. Ежели бы подвиги ваши, начав от 6 октября[3] по сейчас, и не были так блистательны, тогда скорое прибытие с Дона 26 полков, которые в разбитии неприятеля столь участие имели, достойно сделать признательным.

Дружба моя с вами от 73 году никогда не изменялась, и все то, что ныне и впредь вам приятного, я в том участвую.

Теперь прошу вас только уведомлять меня о направлении неприятеля.

Остаюсь в совершенной преданности

князь *Михаил Г.-Кутузов*

10 ноября 1812 г.
Гл. кв. Ланники».

---

[1] Точно дата не указана.
[2] Рост. обл. ист. арх., ф. 64, д. 18, л. 12.
[3] При публикации этого письма в «Военном сборнике» (1906 г., кн. 1-я, стр. 206) напечатано: «Начав от сентября». В оригинале же так, как дано здесь.

III. РАЗГРОМ АРМИИ НАПОЛЕОНА

Предписания и письма главнокомандующего фельдмаршала Кутузова Платову[1]

«При нынешних обстоятельствах мне непременно нужно, чтобы вы доставляли как можно чаще сведения о неприятеле, ибо, не имея скорых и верных известий, армия сделала один марш, совсем не в том направлении, как бы ей надлежало, от чего весьма вредные следствия произойти могут.

Я надеюсь, что сей отступный марш неприятелю сделается пагубным и что вы наиболее тому способствовать можете,—почему вы не оставите почитать главным предметом разрушение переправ, через которые неприятель итти должен, для чего отделите надежную партию, которая бы старалась упреждать неприятеля полумаршем, могла бы сим способом останавливать его марш.

Избрав исправный казачий полк, вы ему предпишите явиться в гл. квартиру и состоять впредь при оной.

№ 283
18 октября 1812 г.
Гл. кв. Кременское».

«Секретно.

Генералу Милорадовичу приказано от меня следовать по большой дороге за неприятелем и теснить его сколько можно более. Вследствие чего старайтесь выиграть марш над неприятелем, так, чтобы главными вашими силами по удобности делать на отступающие головы его колонн нападения во время марша и беспрестанные ночные тревоги. Сие самое предписано гр. Орлову-Денисову делать слева по большой дороге.

Таковой род преследования приведет неприятеля в крайнее поражение, лишит его большей части артиллерии и обозов.

При сем прошу вас меня сколь можно чаще уведомлять о положении вашего корпуса и о успехах, в коих я не сомневаюсь.

№ 320
23 октября 1812 г.
Гл. кв. Быково».

---

[1] Рост. обл. ист. арх., ф. 64, д. 18.

«За штандарты, знамена и пушки много благодарствую вам. Сегодня отправлю я донесение мое императору о всех ваших подвигах и не сомневаюсь, чтобы его величество не удостоили оных внимания. С представлением моим долгом поставлю поспешить также и о производстве сына вашего.

Я слышу, что полковник Сысоев участвовал в атаке удачной, где взял штандарты, и для того желал бы я о сем удостоверенным быть вашим рапортом.

26 окт.[1]».

«Секретно.

Поелику армия берет путь свой по левому берегу Днепра, то приказал я генералу Милорадовичу со вверенным ему авангардом, к коему присоединяется и гр. Орлов-Денисов с своим отрядом, оставить большую Смоленскую дорогу и от Михалево взять влево на Ельненскую, в направлении к Смоленску. Вследствие сего извольте с прочими казачьими полками преследовать быстро неприятеля по Смоленской дороге от Дорогобужа. Хотя река Днепр будет разделять наши действия, невзирая на то, ожидаю я частые рапорты от вас, в коих прошу упоминать действительное направление неприятельских войск, дабы я, соображаясь с тем, мог бы взять свои меры. Если же...[2]

№ 346
26 октября 1812 г.
Гл. кв. Гаврюкова».

«Благодарен вам весьма за последний рапорт ваш, повторяю благодарность мою за прежние успехи ваши.

Теперь кажется, по всем известиям, неприятель Смоленск оставил и для того, на первый случай, ничего более от вас не требую, как только, что всеми вашими силами преследовать его хвост и вредить, сколько можно, сим способом. Ежели он где в силах остановиться, мы все скоро соединиться можем для нанесения ему общего вреда.

Я с главным корпусом нахожусь теперь в четырех или пяти верстах от Краснова, едучи от Смоленска по левой стороне дороги. Генерал Милорадович ближе от меня к Смоленску в семи верстах. Какие неприятельские корпусы в Красном, еще не знаем.

4 ноября.
В 8 часов пополудни.

«Узнав из рапорта вашего, сейчас полученного, что вы завтра намерены вступить в Вильну, я спешу поручить вам в особенности употребить все меры, дабы сей город при проходе наших войск не был подвержен ни малейшей обиде. Если вы возьмете во уважение, что наши поступки в теперешних обстоятельствах будут иметь

---

[1] Собственноручное письмо Кутузова.
[2] Дальше текста нет.

большое влияние на предбудущее время, то уверен, что вы не оставите без внимания раздачу залогов, в сем случае необходимых, учредя таким образом, чтобы при вступлении первых войск были расставлены везде конные караулы, отвечать могущие за порядок во время марша, ...и которые бы до прибытия армии адмирала Чичагова делали бы в городе частые разъезды, ибо, сохраняя порядок в войсках, проходя Вильну, мы сохраним славу нашего оружия.
№ 611
27 ноября 1812 г.
м. Сморгони».

Рапорт Платова Кутузову[1]

Неприятель преследуем столь живо, что я после вчерашнего рапорта теперь только могу донести, что он бежит так, как никогда никакие армии ретироваться не могли. Он бросает на дороге все свои тяжести, больных, раненых, и никакое перо историка не в состоянии изобразить картины ужаса, который оставляет он на большой дороге. Поистине сказать, что нет десяти шагов, где бы не лежал умирающий, мертвый или лошадь. Сии два дня он поднял на воздух в виду нашем более ста ящиков зарядов, такое же число принужден был за быстрым нашим следованием оставить на месте.

Он поражаем везде. От Колоцкого монастыря до сих пор он хотел местах в десяти держаться, но искусным действием нашей артиллерии и в пристойных местах егерями он везде был сбит.

Сего числа ввечеру у Гжатска он выстроил на высоте большие пехотные колонны, пустил стрелков своих в леса, по обе стороны дороги лежащие, и уставил фронт свой батареями, напротив поставленных нами восьми орудий донской конной артиллерии под командой полковника Кайсарова. Пущенные нами в обход в оба фланга егери и орудия на флангах при каждой бригаде произвели столь сильное наступление, что неприятель после двухчасового однако же сражения принужден был быстро отступить, преследуем будучи казаками до самой ночи.

Я теперь накормил войска, посадил егерей на казачьих лошадей и буду теснить его во всю ночь. Между тем, как кажется, арьергард неприятельский под командой маршала Даву уже надвинулся на некоторые корпусы, которые впереди его шли. Так как кавалерия неприятеля лишена фуража, то ведет он ее в средине своей армии, которой голова кажется сего числа может быть у Вязьмы. Прикрывает армию пехотный корпус Даву, с которым я и действую. Видно, что и кирасиры неприятельские пришли в худое положение, ибо все дороги во многих местах покрыты разбросанными кирасирами.

Два полка в команду графа Ожеровского в Юхново мною отряжены.
№ 164
20-го октября 1812 года.
В 8-м часу пополудни».

---

[1] Рост. обл. ист. арх., ф. 61, д. 107, лл. 16—54.

Из реляции Платова Кутузову о действиях донских казаков после изгнания Наполеона из Москвы и бегстве его из пределов России[1]

«Рапортами моими вашей светлости имел я честь доносить о каждой над неприятелем одержанной победе, но краткость времени, сильный натиск при преследовании врагов день и ночь и беспрестанные ему

ДЕНИС ДАВЫДОВ
Поэт и военный писатель,
инициатор партизанского движения в 1812 г

поражения не дозволили мне описать всех военных действий тем порядком, который бы мог представить все подробности оных.

В важности событий имею честь опять представить донесение мое в начальническое ваше милостивое рассмотрение.

13 октября 1812 года на другой день после знаменитой победы, одержанной Вашей светлостью под Малоярославцем, я напал на тыл неприятельской армии, шедшей на подкрепление войск, сражавшихся под Малоярославцем, и по жестком сопротивлении отбил одиннадцать пушек.

---

[1] Рост. обл. ист. арх., ф. 64, д. 31, лл. 2—16.

При сем случае отличились: генерал-майор Иловайский 3-й и полковник Кайсаров, который при сильном нападении французской кавалерии, желавшей возвратить отнятые орудия, мужественно удержал сие стремление с егерями 20-го полка, и орудия остались у нас.

В то же время отряд под командою генерал-майора Кутейникова 2-го, посланный от меня к Боровску, поразил неприятеля столь удачно, что принудил его спешно потянуться к Верее, а полковник Иловайский 9-й, соединясь с полковником Быхаловым, с отрядом своим 14 числа при Медыне ударили на неприятеля, взяли до трехсот пленных и пять пушек.

Преследуя неприятеля по 17 число, я приказал некоторым полкам следовать параллельным образом, с боков его, а сам со всем корпусом поспешил выиграть марш, направляя себя сообразно неприятельскому движению на Колоцкую дорогу.

Прибыв к Колоцкому монастырю, нашел я все силы его там расположенные и распорядился к атаке арьергарда, под командою маршала Даву бывшего, следующим порядком: бригада генерал-майора Иловайского 5-го, с бригадою генерал-майора Кутейникова 2-го, имея каждая по два орудия, пошли правым флангом до высот, лежащих близ берега реки Колочи. Генерал-майоры Иловайский 3-й и Денисов 7-й пошли левым флангом. Восемь орудий донской конной артиллерии, под командою полковника Кайсарова, прикрываемые егерями 20 егерского полка, шли в центре. Бригада генерал-майора Грекова 1-го составляла резерв.

Сим порядком расположившись ночью близ Колоцкого монастыря и собравшись со всеми отрядами, когда неприятель соединился, в 19-й день октября со светом приказал я стремительное нападение на неприятеля.

Ни отчаянное сопротивление французов, ни страшный огонь, пущенный с батарей, ими устроенных, не остановил войск наших. Неприятель по сильном сопротивлении разбит. Оставил множество убитых, взятых в плен и отнято двадцать семь орудий. Отличились в сем сражении: генерал-майоры Иловайский 5-й, Кутейников 2-й и полковник Кайсаров.

Пораженный сими действиями неприятель восчувствовал невозможность отступать со всеми своими тяжестями, принужден был от оных облегчаться, оставлять больных, раненых и едва изъяснить возможно ту картину ужаса, которая представилась нам с бегством его. Всюду трупы истребленных врагов покрывали путь наш. Ящики с пороховыми зарядами взрывались на воздух.

Тщетно покушался он неоднократно брать позиции по дороге, ведущей к Гжатску, но будучи всегда опрокинут искусным действием артиллерии нашей, бывшей под командою храброго полковника Кайсарова, не находил он себе нигде пощады.

Преследуемый корпус маршала Даву хотел держаться перед Гжатском в весьма выгодной для него позиции, но по упорном сражении, продолжавшемся более шести часов, он был вытеснен, прогнан и Гжатск нами занят боем. В селениях же Теплухе и Царево-Займище

имел он ту же участь, потеряв множество снарядов, убитыми и пленными, о которых я доносил тогда же.

Корпус сей, составлявший арьергард французской армии, будучи сильно тесним и преследуем, надвинулся 22-го числа на корпуса короля неаполитанского[1] и маршала Нея и тогда соединенные их силы, расположась перед Вязьмою, взяли позицию, в намерении удержать стремление наше. Но что возможно противопоставить быстрому нападению российских воинов, пламенным усердием исполненных?

Перед 26-ю дивизией, которою командовал генерал-лейтенант Ермолов, шли Донские войска, наблюдая нападением за неприятелем, дабы дать время авангарду генерала Милорадовича зайти ему во фланг и со мною соединиться. Егери приспели к неприятелю поспешно, имея за собою орудия, вступили в дело и заняли высоту, владычествующую перед Вязьмою. Французские орудия подались несколько вперед, но открывшиеся батареи наши мгновенно привели неприятеля в замешательство. Несколько колонн стремились зайти в наше правое крыло, но всюду поражаемы обратились в бегство. Неприятель был опрокинут, батареи замолчали и Вязьма занята победителями, в которую генерал-майор Паскевич с передовыми войсками первый вступил. При сем случае командовавший донским казачьим Сулина 9-го полком войсковой старшина Губкин, быстрым ударом на неприятельскую колонну, большую часть оной положил на месте, а остальную взял в плен, действуя везде с отличным мужеством и храбростью. Донесения генерала Милорадовича давались в свое время к вашей светлости о действии его соединенных со мною сил.

На другой день преследовал я неприятеля по большой дороге, но он остановился у селения Семлево, дабы дать отдохновение утомленной своей оставшейся коннице и способ фуражировать. На каковой предмет и отделилась она от пехоты, что, я увидев, отрядил генерал-майоров Иловайских 5-го и 3-го с бригадами атаковать ее. Они исполнили сие с наилучшим успехом, истребив большую часть сей гвардейской кавалерии, взяв пленных довольное число и два гвардейских эстандарта, причем генерал-майор Сысоев 3-й весьма отличился.

С сего места по повелению вашей светлости следовал я за неприятелем и узнал через пленных, что корпус вице-короля италиянского Евгения потянулся к соединению с маршалом Виктором на Витебск. Отрядил я генералов Грекова 1-го и Денисова 7-го с их бригадами и с подкреплением 1-го егерского полка и драгунских черниговского и новороссийского для преследования неприятельских корпусов, шедших через Дорогобуж и переправу у Соловьево к Смоленску, а сам взял вправо наперерез к Духовщине и не допустил до оного города италиянский корпус, ударил 26-го числа на оный на марше и разбил его так, что осталось французов более шести тысяч на месте, более трех тысяч взято в плен и отбито

---

[1] Маршал Мюрат.

шестьдесят четыре пушки. Сам вице-король с остатками своего корпуса, не посмевши следовать первому назначению своему в город Витебск, поспешил к Смоленску. При сей победе взят в плен известный генерал Сансон, начальник генерального штаба всех французских армий. При действии же сем весьма отличились генерал-лейтенант Мартынов, полковники Греков 5-й, Харитонов 7-й и Власов 3-й и командовавший полком Иловайского 3-го войсковой старшина Тарасов 2-й, который лично отнял у неприятеля знамя.

27-го октября новая победа увенчала успех оружия нашего. Неприятель, преследуемый по Духовщинской дороге авангардом моим под командою генерал-лейтенанта Мартынова, при упорном сопротивлении его на переправе через реку Вопь, вблизи деревни Ерцовой, разбит снова и оставил нам двадцать три орудия. При сем случае командовавший шестью орудиями донской конной артиллерии войсковой старшина Кирпичев искусным и скорым действием сбил неприятельскую батарею, на противной стороне реки Вопи бывшею, и тем много способствовал к оставлению неприятелем вышеупомянутых двадцати трех орудий.

28-го числа, вытеснив французов из Духовщины, я направил путь к Смоленску вслед за остатками того корпуса, и в тот же день при занятии селения Звенихи, неприятель был опять поражен действием орудий донской конной артиллерии и егерями 20-го полка, под начальством известного полковника Кайсарова, где с бою взято им два орудия и более тысячи человек в плен.

От Духовщины до самого Смоленска неприятель теснил был с флангов донскими полками, а в авангарде полковник Кайсаров с егерями и артиллериею, на всяком шагу выбивал его из позиций и деревень, им занимаемых, так что не успевал он их сжигать, и поражал столь сильно и упорно, что, вытеснив его ночью из укрепления, бывшего в трех верстах впереди форштата Смоленска, отнял последние орудия, допустил едва тысячи человекам остаткам корпуса сего стремглав броситься в оной, куда прибыв на 3-е ноября, присоединил я к себе отряды Грекова и Денисова (кои следовали, поражая неприятеля, через Дорогобужскую и Соловьевскую переправу). С намерением принудить его скорее оставить Смоленск, приступил я к сему городу, учредив следующую в атаке диспозицию: правый фланг мой поручил я генералу Иловайскому 3-му, левый генералу Грекову 1-му, центром командовал генерал Мартынов. Войска сего корпуса составляли полуциркульную линию, в авангарде был полковник Кайсаров, который, присоединивши к егерям своим стрелков казачьих, двинулся в обход на оба неприятельских фланга, следуя в центре с остальными егерями и донскою артиллерией, и по повелению моему немедленно атаковал противника. Узнавши же, что французские войска провели всю ночь в форштате Петербургском, я приказал бросить несколько гранат и брандскугелей, дабы тем более встревожить неприятеля, и в то же время егеря 20-го полка, по большой дороге следовавшие, стремительно бросились и сбили неприятельскую цепь, бывшую в отдалении от форштата и скрывавшую движение войск в городе, и с сим вместе его атако-

вали. А донская бригада, посланная между тем под командою генерала Кутейникова 2-го, подоспев к Московскому форштату, повстречалась с двумя неприятельскими колоннами. Колонны сии старались всеми силами удержать форштат, но донские полки, одушевляемые примером своих начальников, быстро атаковали их и расстроили. Новые колонны двигались им на подкрепление с девятью орудиями, но генерал Кутейников с казаками, а полковник Кайсаров с егерями, ударив на оные, овладели орудиями и заняли форштат. Встревоженный неприятель, державшийся еще дотоле в форштате Петербургском, кинулся стремглав к крепостным воротам, будучи на каждом шагу донскою артиллериею, поставленною на возвышениях близ самого форштата, и егерями истребляем.

Тогда только открылось нам, что вместо предполагаемого нами числа неприятеля, явились других корпусов войска, корпусов маршала Нея и Даву, и остатки войск короля итальянского, да и сам Наполеон там находился. Замеченное неприятелем малое число пехоты нашей внушило ему дерзость пустить вновь большую часть на нас своей пехоты, но я, приказав полковнику Кайсарову подкрепить стрелков наших, остатков бывших у него егерей 1-го и 20-го полков, и артиллериею и всем моим донским полком, дал иной оборот сражению, которое сделалось гораздо жарче прежнего. Неприятель вывез орудия в намерении сбить нас. Но генерал Кутейников 2-й и полковник Кайсаров снова столь стремительно кинулись на сии орудия, что овладели тотчас из оных тремя. Тогда только снова поражённая нами преследуемая неприятельская пехота кинулась уже на левый берег Днепра, заперши крепостные ворота, а форштат занят был победоносными нашими войсками... Сто пятьдесят семь пушек достались нам в Смоленске.

От Смоленска отряды генералов Грекова 1-го и Денисова 7-го были от меня посланы к Красному, за последовавшим туда неприятелем, коими в продолжении преследования до селения Крюкова отбито у неприятеля восемьдесят и при селении Хохлово двадцать шесть пушек и взято большое число пленных.

Сам же я продолжал поражать неприятеля: 8-го ноября встретил остатки разбитых войск при Красном маршала Нея, переправившиеся у Сырокоренья уже в тылу моем через Днепр. Сие число и последующие были днями истребления сих остатков, которых весьма уже малая часть спасена двумя дивизиями, высланными из армии к принятию оных от самого Наполеона. В сем городе[1] 11-го октября соединенные силы хотели удерживаться, но после движения, продолжавшегося пять часов, неприятель из Орши, с остальною пехотою, выгнан, оставя и там двадцать шесть орудий.

После сего неприятель не ретировался, но бежал к Толочину, быв на каждом шагу поражаем донскими полками. В сие время взяты генералы Дзевановский и Пюнбюм и более пяти тысяч человек в плен.

---

[1] Орше.

Сии поражения происходили одинаковым образом до 15 ноября, когда заняли мы Борисов, где неприятель потерял более пяти тысяч убитыми, семь тысяч пленными и пять пушек, которые мною сданы были в корпус генерала Витгенштейна.

17-го числа неприятель направил бегство на Зембин, Илию и Молодечно, потеряв в сем пути многие тысячи убитыми и пять тысяч пленными. Я брал на каждом шагу орудия его, пороховые ящики, которых не успел он взрывать на воздух и коим не успевали мы делать счет.

Авангард мой под командою генерала Мартынова разбил снова французов около Зембина и поражал их до 23 числа, взял более тридцати орудий. 21-го числа неприятель остановился при Молодечне, но, несмотря на отчаянное его сопротивление, был он вытеснен, прогнан и Молодечно занято соединенными войсками моего корпуса с авангардом адмирала Чичагова.

Между тем полковник Кайсаров, посланный от меня с сильным отрядом по переходу Борисова, напал на арьергард маршала Виктора, атаковал оный, взял два орудия и, будучи подкреплен присланными к нему от армии адмирала Чичагова четырьмя пехотными полками, поражал его целый день в пути со взятием многих в плен. Потом форсированным маршем 21-го числа, зашед в голову армии неприятельской, из остатков кавалерии составленной, прикрывавшей наполеоновы обозы, ударил на оную с быстротою в трех местах и в мгновение привел ее в замешательство; в преследовании положил на месте более тысячи человек, взял один эстандарт гвардии и все портфели государственного секретаря графа Дарю с бумагами. Подошедшая неприятельская пехота с артиллериею удержала дальнейшее преследование неприятеля, и оттуда, следуя денно и нощно вместе с неприятелем, наносил ему ежечасные разными ударами и истреблениями магазинов поражения, до самой Вильны, где впереди Остробрамской заставы неприятель поставил два орудия под прикрытием уставшей кавалерии и пехоты, принимал подходящие к Вильне остатки войск своих.

Полковник Кайсаров 25 числа, подошед к Вильне скрытным образом и обошед фланг сего отряда неприятельского, внезапным образом ударил столь сильно, что, обративши его в бегство, взял оные две пушки боем и, преследуя бегущего неприятеля, истреблял в самом городе, где взял также в плен генерала Серана и других пленных, а с сим вместе первый занял в Вильно Рудницкую заставу. Во все сие время полковник Кирсанов, находясь в отряде полковника Кайсарова и командуя половиною полка атаманского, действовал везде при поражении неприятеля и отбитии эстандартов и пушек, с отличным мужеством и храбростью.

Из Молодечно я, согласно воли вашей светлости, сдал большую дорогу, ведущую к Вильно, адмиралу Чичагову, а сам направил марш мой влево и 27 числа прибыл с корпусом моим к корчме Панарской. Тут узнал я, что французы, соединившиеся все в Вильно, даже корпуса Виктора и Удино, расположились отступить от сего города,

а я расположился отрезать им путь. 28-го ноября в 7-мь часов утра прибыл я к Погулянке по дороге, ведущей из Вильно в Ковно, где встретился мне неприятель, ретирующийся густыми колоннами, в числе более тридцати тысяч человек.

Устроив тотчас батареи под командою генерала Кудашева на вершине гор Панарских, я приказал находящемуся при мне майору Караулову предложить неприятелю пощаду, известив его, что все уже пути к отступлению ему отрезаны и что всякое сопротивление будет для него пагубно.

Но упорство французов внушило им дерзость отказаться от сего предложения, и победа, всегдашняя спутница русским войскам, приобрела им новый лавр на Погулянке. Артиллерия наша начала поражение, сильные легионы французские поколебались, а отряды генерала Иловайского 5-го и Дехтерева довершили поражение, пробившись сквозь целые ряды пехоты неприятельской.

Между тем часть войск французских отступила в лес, и, собравшись опять, спешила обойти равнину, внизу гор Панарских находившуюся, в намерении избежать последнего удара; но, предусмотрев намерение их, я приказал тотчас одной донской бригаде под командою генерала Иловайского 5-го и драгунским полкам житомирскому и арзамасскому и ольвиопольскому гусарскому сделать на них атаку. Генерал Кудашев, с подкреплением остальных бригад, напал на них, рассеял и истребил в один час. При сем поражении взято двадцать восемь орудий, часть знамен, множество пленных и весь обоз неприятельский.

29, 30 ноября, 1-го декабря бегство французов направлено было к Ковно. Многие тысячи трупов, усея, как по дороге, так по обеим сторонам оной, свидетельствовали поражение их. На каждом шагу они лишались людей, пушек и пороховых ящиков со снарядами.

2-го декабря поутру приблизился я к Ковно, авангард мой встречен был неприятельскими орудиями, поставленными во всех предместьях города и даже на противоположной стороне реки Немана. Я отрядил часть войск под командою генерала Кутейникова 2-го вправо, а генерала Каменева и генерала Орлова-Денисова влево, которые, перешед реку Неман по льду и обошед Ковно, напали столь стремительно на отступающего неприятеля, что четыре оного колонны были истреблены наголову, а при последе убит и главнокомандующий оными генерал французский.

Искусное действие артиллерии нашей, направляемое войсковым старшиною Кирпичевым, принудило умолкнуть неприятельские орудия, в укреплении Ковенском бывшие, и город очищен, где кроме больных, захвачено в плен более тысячи человек, 21 орудие, восемьсот пороховых ящиков, до шестидесяти тысяч ружей, из коих не успели они половины сжечь, и магазины с жизненными припасами найдены в городе.

За остатками же неприятеля, оставившими Ковно, велось преследование до Волковийска; взято 3 орудия и большое число пленных, отличился полковник Ефремов. В городе Ковно, и в преследовании

до Волковийска положено до 10 тысяч рядовых и 496 штаб- и обер-офицеров.

Итак из большой армии неприятеля, из всех разных корпусов не более упущено, как до двух тысяч человек.

Из Ковно я по повелению вашей светлости перешел реку Неман и вступил в границы неприятеля... Шел я через Нейштат, Шарвинти, Иллькален до Инитенбурга и, не останавливаясь ни на один день, следовал до города Вейлау и Аленбурга.

Занявши укрепленное местечко Диршау, гнал я врага до самого Данцига и даже в Форштат.

Третьего января Данциг взял в блокаду со всех сторон.

Во всех занятых городах взято множество пленных, и французы не только оставляли всех больных своих, даже не успели увозить с собою и наших пленных, в прежние дела взятых ими.

Войска неприятельские, после сего запершись в Данциге, желая сильными вылазками избыть нас и открыть все пути, ведущие в Данциг и лишившие его всех продовольствий, и нередко вылазки их были поражаемы обратно.

В продолжение сей кампании взято нами пятьсот сорок семь пушек, знамен и штандартов более тридцати, и более семидесяти тысяч пленных, в том числе более десяти генералов разных классов и более четырех тысяч офицеров.

Светлейший князь, я не распространяюсь здесь о делах, бывших в июне и июле месяцах и до половины августа прошлого 1812 года, где я прикрывал ретираду обоих армий и дрался с неприятелем ежедневно, спасая всех, как и остающихся за слабостью солдат, подвозя их на казачьих лошадях и не дав взять неприятелю ни одной повозки, о чем тогда же известно было обоим предводителям армий. Труды, подъятые нами, были неисчислимы, опасности велики. Сверх ежедневного поражения неприятеля в преследовании, мы сражались с ним жестоко в боях, а именно, когда он останавливался и сильно упорствовал, защищая занимаемые им позиции с отчаянностью: октября 13-го у Малоярославца и Боровска, 14-го у города Медыня, 19-го при Колоцком монастыре, 20-го перед городом Гжатском, 22-го перед городом Вязьмою, 23-го у селения Семлево, 26-го и 27-го в окрестностях реки Вопь перед Духовщиною. Ноября 3-го и 4-го перед Смоленском и при занятии сего города, 8-го и 9-го, и 10-го от Сырокоренья до Гусятины, 11-го у города Орши, 16-го при местечке Плещеницах, 17-го у Бартова, 24-го при местечке Молодечно, а особенно 28-го у Вильны на Погулянке и при Панарской горе, где было собрано разных корпусов более гораздо тридцати тысяч, совершенно на прах разбиты и орудия у них отняты; 2-го декабря при выбытии его из Ковно и по переходе за Неман.

№ 105
19 февраля 1813 г.
Город Калиш».

Предписание фельдмаршала Кутузова Платову[1]

«По переходе неприятеля через Неман, все казачьи войска, в команде вашей находящиеся, равно и те, которые в команде генерала Кутузова[2], должны следовать за неприятелем до самой Вислы. В подкрепление назначаются части регулярной кавалерии с пехотою, которые, перейдя Неман, не очень удаляются от армии адмирала Чичагова и корпуса гр. Витгенштейна, и которые, впредь до повеления, остаются на правом берегу Немана.

По вступлении в край прусский, прошу вас предписать, под опасением строжайшего взыскания, всем в команде вашей находящимся казакам отнюдь не грабить и вообще никаких не причинять обид, ибо в противном случае сие не только несообразно будет с видами моими, но и совершенно противно воле императора.

№ 646
2-го декабря 1812 г.
г. Вильно».

Рапорт генерала Каковницына Платову[3]

«Граф Витгенштейн преследует всеми силами с поспешностью отступающего Макдональда, у коего не более, как от 5/т до 6/т. 23-го числа отряд графа Штейнгеля должен прибыть в Тапвахен и Вейлау. Сильные партии посланы в направлении к Нидерунг и Ельбинг.

Фельдмаршал Кутузов приказал мне сие донести до сведения вашего с тем, чтобы вы с своей стороны употребили всевозможные средства и быстроту, дабы опередить корпус Макдональда и тем дать время гр. Витгенштейну нанести ему разительный удар.

№ 798
24 декабря 1812 г.
г. Вильно».

Из предписания Платова генералу Иловайскому 4-му 5 января 1813 г. из Дершау[4]

«Прошу вас наистрожайше подтвердить всем подчиненным вашим, чтобы жителям ни малейшего оскорбления сделано не было и самим для продовольствия ничего не брать, а требовать законною дачею от них, дабы не навесть и против нас огорчения (отчего по политическим делам последует расстройство) и от главного начальства строжайшее за сие взыскание, и до сего благодарение богу жители все к нам усердны».

---

[1] Рост. обл. ист. арх., ф. 64, д. 19, л. 2.

[2] Голенищев-Кутузов, Павел Васильевич (1772—1843), командовал в 1812 г. отрядом, впоследствии петербургский генерал-губернатор.

[3] Рост. обл. ист. арх., ф. 64, д. 20, л. 15.

[4] Там же, ф. 64, д. 27, л. 25.

Предписание Кутузова Платову[1]

«Одному деятельному преследованию вашему обязаны мы падению городов: Элбинга, Мариенбурга, Мариенвердера и Нейнбурга. За дисциплину же, сохраняемую в войсках ваших, приношу вам мою совершенную признательность, о чем и в общем приказе по армии отдано.

Из рапорта адмирала Чичагова видно, что Данциг обложен корпусом гр. Витгенштейна и потому вы не упустите случая действовать хотя партиями по дорогам, ведущим от Данцига к стороне р. Одера по разным направлениям, чтобы тем подать вид, что наше движение и к сей реке пробираться будет.

№ 39
8 января 1813 г.».

Из рапорта Платова Кутузову 12 января 1813 г. из Лаблау[2]

«Повеление ваше за № 39-м имел я честь получить. Дисциплина в войске по предписанию вашему в рассуждении для жителей прусских мною подтверждается, сохраняется и всегда будет соблюдаться. Здешние жители чрезвычайно дружелюбно и искренно с нами обходятся, жалоб по сие время никаких не было и при вопросе мною жителей все остаются весьма довольными нашим войском. Не утаиваю перед вами, яко главным начальником, что все селения, лежащие около Данцига, много разорены французскими войсками, отчего и наши войска претерпевают недостаток, а особливо в фураже, но жители с большим усердием доставляют возможное им для нашего войска. Я принимаю все меры, чтобы все требуемое доставлялось без угнетения жителей из отдельных деревень по распоряжению их главных шултод».

Предписание Платова генералу Иловайскому 3-ему[3]

«Приемля с признательностью приятное извещение ваше и одобряя в полной мере сделанные вами распоряжения, предписываю, в дополнение наблюдения на аванпостах за мекленбургскими нижними чинами, разглашать между ними, что переходы их к нам добровольно не будут принимаемы, как военнопленные, но совершенно отдается на их усмотрение: или вступить в нашу службу в немецкие легионы с удержанием получаемого ими теперь жалованья, или—свободный пропуск в их отечество с оплатою соразмерной цены за удерживаемое у них оружие и сохранением всего прочего их имущества. Для лучшего исследования, прописанного по сему предмету в рапорте майора Караулова, посылаю флигель-адъютанта Сухтелена, которому

[1] Рост. обл. ист. арх., ф. 64, д. 19, л. 11.
[2] Рост. обл. ист. арх., ф. 64, д. 27, л. 43.
[3] Там же, л. 68.

поручил, снабдив его объявлением на немецком языке для мекленбургских войск, ехать в селение Цанковины и разведать от владельца сущность сего дела и способы произвести оное в действо.
№ 63
17 января 1813 г.».

Из рапорта Платова Кутузову 23 января 1813 г. из Бушкау[1]

«...По показанию пленных в Данцигской крепости находятся одни только французские и часть польских войск; мекленбургцы же, коих более четырех тысяч, находятся в Форштате и редко впускаются внутрь города. Порция провианта выдается им самая малая. Многие из них стараются дознавать, как их у нас принимают, и желают оставить службу у неприятеля и перейти к нам. Даже некоторые из них, бывшие в селении Цанковины, спрашивали, какое может быть им от россиян назначение.

Вследствие чего отправил я вчерашнего числа находящихся при мне капитана Мусина-Пушкина и флигель-адъютанта Сухтелена, чтобы сделать с ними переговоры и уверить их, что они принимаются не пленными, а на приятельском положении, кто из них пожелает быть в немецких батальонах, а ежели же кто не пожелает, то останутся свободными со всею при них собственностью кроме оружия. Что по сему выйдет вам донесу».

Из рапорта Платова главнокомандующему всеми союзными армиями генералу Шварценбергу 15 октября 1813 г.[2]

«Продолжал я во все прошедшие дни, идя в виду ретировавшихся по большой дороге густых колонн неприятеля, через города Эрфурт, Готту и Эйзенах, наносить ему вред ежедневно, а в ночь тревогами беспокоить его и не давать ему отдохновения. Ретирада неприятельская поспешная, так что он подымается с полуночи и идет, не отдыхая, опять до того же времени. Я его предупреждаю и принуждаю подрывать зарядные ящики, сжигать обозы в виду моем. Обо всех успехах моих доносил я по команде и надеюсь, что вы о них уже изволите быть известны».

Из рапорта Платова Барклай де-Толли 18 октября 1813 г. из дер. Гунтельми[3]

«Вчерашнего числа на самой заре неприятель тот самый, о котором я пред сим донес и который прикрывает преследование Наполеона, следовавший от города Фульды, атаковал меня с тылу при селении

---

[1] Рост. обл. ист. арх., ф. 64, д. 27, л. 94.
[2] Рост. обл. ист. арх., ф. 64, д. 36, лл. 29 и 60.
[3] Там же, лл. 34 и 55.

Пильгерзаль, где имел я ночлег, но по продолжении упорного сражения опрокинут и прогнан с поражением и взятием до пятидесяти человек в плен, кроме чего явилось ко мне до десяти человек дезертировавших польских улан.

...Посланный мною с командою лейб-гвардии преображенского полка капитан Берхман, о коем я прежде доносил, сейчас возвратился ко мне и доставил мне нужные сведения. На пути проследования, где находил он неприятеля, действовал на оного по возможности и взял более ста человек в плен. Кроме того занята им сдавшаяся на капитуляцию крепость Кенигсхован, в которой оставлен им комендантом тептярского казачьего полка есаул Сагетов с пятнадцатью человеками казаков, а помянутые полонные отданы им под расписку в разных городах».

ПРИЛОЖЕНИЕ

«ИЗВЕСТИЯ О ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ»[1]
(ХРОНИКА 1812 ГОДА)

Из Острова, августа 6.

Воинские команды непрестанно проводят здесь к Пскову пленных французов. Город наш совсем обезопасен от неприятеля, которого здесь и не слыхать, а потому жители здешние находятся в совершенном спокойствии.

По Кенигсбергским известиям от 4-го июля, черные гусары, перешедшие к россиянам, составляли часть прусских войск, под начальством Макдональда состоящих и переправившихся через Неман у Тильзита 24-го июня нового стиля. Находясь в авангарде, они продолжали поход свой очень скоро. Французский генерал, заметив, что они прошли гораздо далее того места, где надлежало бы им остановиться, и, полагая, что сие сделалось ошибкою, послал к ним своего адъютанта с повелением воротиться назад; но они единодушно отвергнули сие приказание и пошли вперед.

Варварские и ужасные поступки врагов наших по всем местам, коими они проходят, свидетельствуют, что они не уважают даже и святыню церковную. Сие подтверждается и происшествием, о коем епископу Смоленскому доносит благочинный соборный протоерей и ключарь Василий Соколов, следующее: «Из числа благочиния моего священно- и церковно-служителей Смоленского уезда села Надвы, известили меня чрез нарочнаго, что июля 23-го числа французская конная команда сделала нечаянный набег в помянутое село, которое разстоянием от Смоленска в 40 верстах. Французы сие разграбили прежде все имущество в священническом доме, потом, схватя висевшие на стене церковные ключи, повели священника и двух причетников к церкви с обнаженными саблями. Едва успели они отпереть ограду и двери, как уже нашли в церкви двух других французов, влезших прежде их в окно. Вся команда вошла потом и производила над святынею ругательства. Шкафы и сундуки разломаны, и взяты

---

[1] «Изв. о военных действиях»—хроника военных событий, публиковавшаяся в «Московских Ведомостях» в 1812 году. В Ростовском областном историческом архиве имеется список этого издания. Из большого количества интересных и разнообразных материалов «Известий» здесь приведена только часть их.

из них все священные сосуды и вещи, кои были серебряные; медные деньги рассыпаны по полу; ризница оставлена. Между тем над священно- и церковно-служителями держали обнаженные сабли, угрожая им смертию. За сим, оставя их в селе, французы бросились в господский дом помещика Храповицкого, расстоянием от села на полторы версты, и разграбили оный совсем».

Санктпетербург, августа 14.

Здесь получено достоверное известие, что партия пленных французов, в числе 90 человек, под начальством одного нашего офицера с несколькими рядовыми, приведена будучи в селение Сычевку на границе Смоленской губернии к Тверской, воспользовалась превосходным числом своим против сопровождавших оную конвойных и, употребя притом разные хитрости, отняла у них ружья и стала было в оных стрелять. Крестьяне того селения, увидя сие, тотчас ударили в набат, собрались немедленно сами и обезоружили пленных, потом били их и перевязали всех. Шестеро пленных было убито, из числа остальных умерли после также некоторые. Между тем от сего приключения разнесся повсюду в окрестностях слух, что пришли французы, почему в тот же вечер прискакало в Сычевку до 9 000 человек, для сражения с французами и прогнания их.

Некоторые крестьяне, в озлобление противу французов, зажгли было собственный свой хлеб на полях, со словами: «Не доставайся же и им!»—Вот каков дух оживляет Россиян! Враги наши весьма ошибутся, ежели думают, что можно им покорить народ истинно Русский.

Находящийся с корпусом войск на Тверской дороге генерал-адъютант Винценгероде доносит Его Императорскому Величеству следующее:

От 8-го сентября.

«С Корпусом мне вверенным нахожусь я в селе Пешках. Авангард мой под командою полковника Иловайского 12-го стоит под ямом Черной грязью, а передняя застава к Москве за 8 верст. Всякий день приводят ко мне пленных. Некоторые из них рассказывали, что московские жители два раза зажигали окрестные строения местопребывания французского императора. Вчера я послал майора Пренделя с сильною партиею в окрестности Можайска и предписал ему затруднять коммуникации неприятеля между Можайском и Москвою».

От 10-го сентября

«По Санктпетербургской, Дмитревской, Ярославской и Владимирской дорогам на всех постах и пикетах обстоит все благополучно. Движения по сим дорогам неприятель никакого не сделал. Вчерашнего числа от моего авангарда, состоящего в команде полковника Иловайского 12-го, отправлена была сотня казаков для открытия неприятельских застав. Сия сотня открыла неприятеля в селении Соколове. Сила неприятеля состояла из 2 эскадронов кавалерии 23 драгунского полка и 3 рот пехоты 81 линейного полка. Казаки наши, ударив на неприятеля, разбили его совершенно; взято в плен: 3 офицера,

16 унтер-офицеров и 83 рядовых, на месте положено: баталионный командир, 3 офицера и 120 человек нижних чинов. С нашей стороны урон весьма маловажен. Я стараюсь, сколько возможно, преграждать коммуникацию неприятеля по Можайской дороге, и для того послал сильную партию чрез Воскресенск к Звенигороду и Рузе».

Выписки из рапортов генерала-майора Дорохова

От 10-го сентября

Из первого. «По собрании моего отряда прибыл на Воровскую дорогу к селению Шарапову за полночь, где, узнав, что по оной идет

И. С. ДОРОХОВ

генерал, командовал в 1812 г. отдельным партизанским отрядом

С портрета *Дж. Доу.*

из Смоленска много обозов, отрядил для разведывания партию, состоящую из 40 человек казаков под командою сотника Юдина. По уведомлению его, что он оследил в селе Перхуткине неприятельский обоз с большим прикрытием, послано было от меня к нему еще две сотни казаков и два эскадрона лейб-драгун. Но сей храбрый офицер, не дождавшись еще подкрепления, ударил перед рассветом на деревню, переколол довольное количество и взял в полон двух капитанов, 5 офицеров и 92 человека нижних чинов; и когда некоторые к за-

щищению своему разбежались по сараям, то он зажег оные, и поднял на воздух 36 фур артиллерийских с снарядами. Боровская дорога вся наполнена одними неприятельскими мародерами, на счет коих я предприму все меры. По слухам же от пленных известно, что в Можайске стоит 8 корпус, а генерал Домбровский отправлен из Москвы с своею дивизиею по дороге Боровской, о чем однако я не премину вернее узнать. Посланный от меня отряд, состоящий из 150 казаков и двух лейб-драгунских эскадронов под командою полковника Сиверса, напав на арьергард, прикрывающий парки, взял в плен 6 офицеров и 27 человек рядовых, остальных же переколол и зажег более 20 фур с снарядами. Елисаветградского гусарского полка посланная партия по Боровской дороге к Москве взяла еще 15 человек пленных».

Из второго. «Тем же отрядом полковника Сиверса, с подкреплением гусар, сделано нападение на идущую в неприятельскую армию команду, в коей по сопротивлению переколото очень много и взято в плен 111 человек; также взяты в полон едущий адъютант маршала Нея и квартирмейстер капитанского чина. Утвердительно извещен я от многих идущих жителей, что неприятель потянулся в большом количестве по дороге к Подольску. Пятитысячный корпус генерала Ламюза открыт и остановился на ночлег от меня верстах в 15. Естьли его неосторожность позволит мне что-либо сделать, то я оного не упущу».

* * *

Генерал-фельдмаршал Кутузов при сем донесении представил Его Императорскому Величеству журнал военных действий с 22-го сентября по 1-ое число октября в следующем содержании:

«Сентября 22-го. Полковник Вадбольский доносит, что разосланными от него партиями истреблено более 100 французских мародеров. Главный отряд означенного полковника находится в селе Обухове, что на Верейской дороге.

24-го числа главная квартира фельдмаршала перенесена из села Тарутина в деревню Леташевку, что за лагерем, по Калужской дороге. Полковник Вадбольский находится в селе Никольском, близ города Вереи, откуда для разведывания неприятеля посылаются им партии, коими пойман капитан артиллерии с бывшими при нем бумагами, и истреблено в селении Горках 12 человек неприятельских мародеров. Ахтырского гусарского полка подполковник Давыдов, командующий особым отрядом, выступил из Юхнова на Вязьму, в виду оного города 16-го числа напав на французский отряд, прикрывавший транспорт артиллерийских снарядов, разбил оный совершенно; причем положил на месте до 250 человек, взял в плен 2 офицеров и 146 рядовых и получил в добычу 20 подвод с фуражем и провиантом и 10 фур со снарядами. Посланным от него с особенною партиею майором Темировым положено на месте до 100, взято в плен 125 человек и досталось в добычу 1 фура с артиллерийскими снарядами. Подполковник Давыдов, продолжая свое движение, 19-го числа явился вновь на большую дорогу между Семлевой и Вязьмою к селу Юре-

неву и, атаковав 2 батальона 2 польского полка и 1 вестфальский батальон, взял в плен 1 капитана и 142 человека нижних чинов... В сие самое время взорваны многие ящики на воздух, взято 72 пары волов, употребленных для возки парков, и истреблены несколько мельниц, в коих неприятель молол хлеб. Артиллерии штабс-капитан Фигнер со вверенным ему отрядом истребил у неприятеля в окрестностях Москвы все продовольствие, положил на месте до 400 человек, бывших в селах, лежащих между Тульскою и Звенигородскою дорогами; взорвал парк на Можайской дороге; привел в совершенную негодность 6 батарейных орудий, потопив оные в болоте; взорвал на воздух 18 ящиков, принадлежавших к орудиям; причем взято в плен 1 полковник, 4 офицера и 58 рядовых, и положено на месте немалое число. Лейб-гвардии поручик Фон-визин с партиею казаков следовал по Боровской дороге к Москве за селение Ожегово, но неприятеля нигде не встретил, а у селения Дятлова положено на месте 15 человек неприятельских фуражиров и 2 взято в плен. Он доносит, что в Боровском уезде жители вооружены, и при появлении неприятеля соседние селения собираются в назначенное место. Между прочим в селе Каменском примечено означенным поручиком до 1 000 человек вооруженных крестьян, конных и пеших, коими 23-го числа прогнаны неприятельские фуражиры; причем убиты 1 офицер и 6 рядовых. 25-го числа полковник Вадбольский доносит, что он 22-го числа прибыл к Верейской дороге и расположился между селениями Литвиновым и Новинским, откуда посланными от него партиями истреблено в разное время до 200 человек, между коими 1 офицер. 26-го числа полковник Вадбольский рапортует от 25-го, что он намерен перейти в селение Сивково, состоящее между Вереею и Можайском; а партиями его истреблено до 100 и взято в плен 16 человек.

Занимаемый ныне армиею укрепленный лагерь на правом берегу Нары, при селе Тарутине, позволяет отделять от оной значущие партии, которым предписано иметь в виду не токмо истребление неприятельских мародеров и фуражиров, но которые должны силою своею быть в состоянии наносить ему чувствительный вред, который ему в настоящее время будет тем ощутительнее, что он претерпевает недостаток в фураже и провианте. В сем намерении отправлены сего числа три значущие числом партии.

28-го числа полковник Кудашев рапортует, что, узнав о нахождении неприятеля в селе Никольском, в числе 2 500 человек, напал на оных нечаянно с 300 казаками: атака была стремительна, а поражение неприятеля конечное, ибо, не взирая на великое превосходство неприятеля, он был обращен в бегство; причем генерал Бовье ежели не убит, то по крайней мере тяжело ранен, и лошадь его досталась в добычу казакам. В некотором от места сражения расстоянии неприятель, собрав расстроенные силы свои, ожидал вновь нашей атаки, которая была столь же, как и первая, стремительна и удачна. Кудашев, отдавая должную похвалу подполковнику Харитонову, есаулу Пантелееву, сотнику Платову и хорунжему Басову, в заключение доносит, что неприятель, оставив на месте сражения убитыми 100

и пленными 200 человек, перешел на Калужскую дорогу; а Кудашев взял направление на Серпуховскую для дальнейших действий.

Генерал Милорадович доставил от командуемого им авангарда 27-го и 28-го числа пленных 4 офицера и 346 рядовых.

29-го числа армия оставалась в своем положении, не делая движений.

Артиллерии капитан Фигнер находится между большою неприятельскою армиею и его авангардом. В течение двух дней доставил он пленных 4 офицера и до 200 рядовых.

30-го числа посланная полковником Кудашевым партия под командою адъютанта генерал-фельдмаршала князя Г. Кутузова капитана Кожухова, который, присоединясь к прежде посланной партии, переправился через реку Мочу и следовал за неприятелем в деревню Чегалаеву, откуда пехота неприятельская производила сильную пальбу. Потом, вышед из деревни, неприятель построил каре, в которое донские казаки, разделясь и ударив стремительно, ворвались, положили на месте 40, а взяли в плен 60 человек, в числе коих капитан Тубье, раненый в руку.

Все посланные на коммуникационную линию неприятеля партии составляют между собою непрерывную связь. Удачные нападения на неприятеля и множество взятых ими пленных в то время, когда они были в меньшем против нынешнего числе, ручаются за надежный успех, который им ныне предстоит. Прибыли вновь к армии с Дону еще 24 казачьих полка. Таковое значущее усиление иррегулярных войск приобретает верные способы причинять больший вред неприятелю».

* * *

При сем журнале военных действий генерал-фельдмаршал Кутузов представил изданные им для армии известия следующего содержания:

«Главная квартира село Леташевка, сентября 30-го дня 1812 года.

Армия находится более недели близ села Тарутина на правом берегу Нары и, пребывая в совершенном спокойствии, получает от того новые силы. Полки укомплектовываются прибывающими из разных губерний формированными генералом Лобановым-Ростовским войсками. В лагере производится учение рекрут, горящих рвением сразиться с неприятелем. Лошади нашей кавалерии, получая в довольном количестве фураж и стоя на здоровом водопое, приметным образом поправляются. Продовольствие устроено таким образом, что армия не терпит ни малейшей нужды и большие к армии ведущие дороги покрыты транспортами, идущими из самых хлебородных губерний, близ коих армия расположена. Ежедневно прибывают выздоровевшие офицеры и солдаты. Больные и раненые на поле чести, находясь среди России, между родных своих и сограждан, получают всякие пособия, какие только от матерей и жен, от братьев и детей ожидать можно.

Расстроенные силы неприятеля не позволяют делать ему против нас покушений. Удалением от пределов своих лишен он всех посо-

бий; продовольствие его час от часу становится затруднительнее, и пленные уверяют единодушно, что в их армии употребляют в пищу лошадиное мясо, несмотря на то, что у них мяса более, нежели хлеба. Наипаче претерпевают лошади неприятельской артиллерии и конница их. Большая часть сей последней погибла в сражениях, особенно в знаменитый для российского оружия день 26-го августа[1], а остальные кавалерийские полки терпят в фураже величайший недостаток, ибо неприятельская армия окружена со всех сторон нашими партиями, отрезывающими ей всякое сообщение. Неприятель столь стеснен в доставании себе фуража, что фуражиры его не отправляются иначе, как под сильными прикрытиями, которые однако же бывают всегда преодолеваемы нашими партиями. Сильные отряды наши находятся на Можайской, Санктпетербургской, Коломенской и Серпуховской дорогах, и редко проходит день, в который бы не приводили 300 человек и более пленных.

Самые крестьяне из прилежащих к театру войны деревень наносят неприятелю величайший вред. Россияне ныне стремятся с неописанною ревностью на истребление врагов, нарушающих спокойствие отечества. Крестьяне, горя любовью к родине, устраивают между собою ополчения. Случается, что несколько соседних селений ставят на возвышенных местах и колокольнях часовых, которые, завидя неприятеля, ударяют в набат. При сем знаке крестьяне собираются, нападают на неприятеля с отчаянием и не сходят с места битвы, не одержав конечной победы. Они во множестве убивают неприятелей, а взятых в плен доставляют к армии. Ежедневно приходят они в главную квартиру, прося убедительно огнестрельного оружия и патронов для защиты от врагов. Просьбы сих почтенных крестьян, истинных сынов отечества, удовлетворяются по мере возможности и их снабжают ружьями, пистолетами и порохом. Во многих селениях соединяются они под присягою для общего своего защищения с тем, что положено жестокое наказание на случай, естьли бы оказался кто из них трусом, или бы выдал друг друга.

Сейчас получено известие, что испанцы и англичане, разбив французов, заняли Мадрит. И так враги наши везде поражены, и они погибают в отдаленных странах Европы в то время, когда, ворвавшись в пределы России, найдут может быть гробы свои в недрах отечества нашего».

Из Лондона, сентября 17

По известиям из Франции видно, что там беспокойствие о неизвестности, где и как теперь находится Бонапарте, увеличивается ежечасно. По всему заключать должно, что коммуникация между армиею Наполеона и Франциею, ежели не совсем еще пересечена, то по крайней мере затруднена так, что ни от Бонапарте во Францию, ни из Франции в армию ничего без крайней опасности провезти невозможно.

---

[1] День сражения при Бородино.

Испанские вести также сильно беспокоят парижских жителей, не взирая, что о военных делах говорить весьма строго в Париже запрещено.

Главнокомандующий армиями, генерал-фельдмаршал князь Голенищев-Кутузов представил его императорскому величеству продолжение журнала военных действий с 1-го по 3-е октября следующего содержания:

«Октября 1-го армия оставалась в прежней позиции. Нижегородский гражданский губернатор доносит, что прибывший к Нижнему-Новгороду 5 казачий Уральский, 3 и 4 Башкирские полки выступили из оного для присоединения к корпусу генерала-лейтенанта графа Витгенштейна, вследствие данного о сем предварительного предписания. Генерал Милорадович рапортует, что неприятельские аванпосты на тех же самых местах и что казаки, беспокоя их по ночам, заставили их усилить цепь свою. Генерал-майор Дорохов, в дополнение последнего рапорта своего от 2-го октября, доносит, что в Верее взято не 352 рядовых, а 377 человек и 15 офицеров, отправленных в Калугу, что полковник, строивший верейские укрепления, два инженерных офицера и более 300 человек найдены убитыми. Печеный хлеб, для коего неприятель собирал муку в окрестных деревнях, роздан войскам, а мука крестьянам и обывателям. Собранными священником соборной церкви, Иоанном Скобеевым, до 1 000 человеками срыты палисады и укрепления. Солдаты получили хорошую денежную добычу. Пленных в авангарде взято 41 человек 2-го числа. Армия оставалась на прежде занимаемой ею позиции. Генерал-майор князь Урусов рапортует, что он с пятью полками прибыл в Тулу, где остановился впредь до дальнейшего повеления. Полковник князь Кудашев отправляет партии с Серпуховской на Калужскую дорогу, из коих одной приказано было следовать в Чериково, а другой на Красную Пахру. Вторая партия, узнав, что неприятель обходит ее с левой стороны к Воронову, обратилась назад. Хорунжий Басов, встретив неприятельский обоз за Чериковом, напал на оный с 50 казаками, взял в плен 20 человек, 2 коляски и 3 брички. Посланная к Подольску партия открыла, что в оном стоит неприятельская пехота с двумя орудиями. Полковник Кудашев, будучи связан с полковником Ефремовым, известился от него, что неприятель находится в больших силах в селениях Иоме и Новоникопове. После чего Кудашев пошел к Лопасне. Вторым рапортом, сего же числа полученным, полковник Кудашев доносит, что посланная от него партия открыла в селе Васильевском фуражирующих неприятельских кирасир, напала на них и прогнала до деревни Петровской, где они предприняли оборону; но есаул Анафин, ударив на них, взял в плен 27 кирасир, 10 положил на месте, а остальные спаслись бегством.

3-го числа

Адмирал Чичагов доносит, что Волынская губерния войсками нашими очищена от неприятеля, который во время преследования отступал повсюду. На дороге находили разломанные его

повозки, разбитые бочки и палые лошади, что все доказывает поспешность его к удалению. В течение сего времени взято нами пленных 5 офицеров и 333 унтер-офицеров и рядовых. Генерал Тормасов рапортует, что неприятель ретируется с великою поспешностью к Бресту-Литовскому. Арьергарды его настигаемы были лег-

А. Н. СЕСЛАВИН

Офицер, известный партизан отечественной войны 1812 г.

С портрета *Дж. Доу*

кою нашею конницею. В сие время неприятель потерял убитыми до 2000 и пленными более 500 человек. Корпус князя Шварценберга столь стеснен был в отступлении, что не имел времени присоединить отряды генералов Зингенталя и Мора, кои наши авангарды отрезывают и не допускают соединиться с главным корпусом. Гвардии капитан Сеславин рапортует, что с отрядом своим, не доходя 4-х верст до села Богородска, встретился с неприятельскою конницею и пехотою, из коих, взяв 15 человек, положил много на месте, а сам пошел в Ожегово. Кроме сих пленных, присланных сего числа в главную квартиру, доставлено еще из авангарда 37 рядовых и 1 офицер, да от полковника Кудашева 26 человек».

* * *

Главнокомандующий армиями генерал-фельдмаршал князь Голенищев-Кутузов представил его императорскому величеству продолжение журнала военных действий с 4-го по 6-е октября следующего содержания:

«Октября 4-го генерал от кавалерии Платов доставил при рапорте отбитое у неприятеля Симферопольским конно-татарским полком церковное серебро, весом около пуда. Полковник Кудашев рапортует из Лопасна, что посланная от него партия встретила в селе Клевань, в 5 верстах от Лопасни, неприятеля, состоявшего в пехоте и коннице, прикрывавшего фуражиров, на коих казаки ударили, опрокинули их и захватили 16 кирасир. Он доносит, что неприятель с некоторого времени становится весьма осторожен, и фуражиров не иначе посылает, как под прикрытием пехоты. Ахтырского гусарского полка полковник Васильчиков доносит, что посланным от него штабс-ротмистром Вернером захвачен в 6 верстах вправо к селению Воронову неприятельский пикет. Артиллерии капитан Фигнер, который с обыкновенною его отважностью находится всегда в самой близи от неприятеля, доносит, что вчерашнего числа взято им 10 артиллеристов и 2 офицера. Гвардейской артиллерии капитан Сеславин рапортует из деревни Селиглево, в 4 верстах от Каменного, что неприятельский обоз, из 300 подвод состоящий, выступил с Можайской дороги из села Веземов к Боровской дороге под прикрытием 4 полков кавалерии и 2 батальонов пехоты с 8 орудиями. Гвардии капитан Сеславин, скрывшись в лесу, пропустил пехоту и часть кавалерии; на остальных же напав, много побил и всех лошадей под артиллериею переколол и испортил упряжь. Полковник Кудашев из Лопасни доносит, что, узнав о движении неприятеля близ Алферовой, отправился оттуда с 300 донскими казаками, встретил направлявшегося к Серпуховской дороге неприятеля в числе 1 500 человек кавалерии, несмотря на несоразмерность сил, атаковал его с успехом и взял в плен 70 человек. Генерал-майор Дорохов рапортует, что полковник Вадбольский, будучи извещен об отряде французской кавалерии, следовавшей в числе 500 человек к селу Каменскому, атаковал оных с кавалериею, и не взирая на отчаянное сопротивление неприятеля, разбил его, положил на месте более 100 человек и взял в плен 4 офицера и 32 человека нижних чинов».

Генерал-майор Иловайский 4-й[1], от 15-го октября, из Москвы доносит императору следующее:

«Благодарение всевышнему.

В краткое пребывание войск Вашего императорского величества в Москве, после бывших смятений, ныне паки водворилась тишина, и жители обеспечены от всяких беспокойств. Вышедшие из плена и скрывавшиеся в разных частях города русские раненые, около 700 ниж-

[1] Иловайский 4-й, командир донского казачьего полка, после изгнания Наполеона из Москвы был комендантом города.

них чинов и 18 офицеров, призрены и помещены большею частью в страннноприемном доме графа Шереметева. Оставшиеся в главном госпитале нашем 15 обер-офицера и 646 нижних чинов получили все должное вспоможение и к ним определены явившиеся здесь два городских купца, под надзиранием отставного подполковника Куриша.

Пленные французы, приводимые во множестве от всех частей города и отрядов, находящихся в окружностях оного, помещаются под присмотром отставного майора Оленина в сохранившейся от пожара части Петровского дворца, из коих уже 550 человек препровождено в Тверь. К раненым французам, помещенным при воспитательном доме, прикомандирован взятый в плен французский лекарь и отпущены нужные жизненные припасы, которых хотя найдено в разных местах города Москвы и получено из Клина, но по недостатку в оных у обывателей, нашел я нужным послать за находящимся провиантом в Клину. Пожары и грабительства ныне прекратились. Улицы от мертвых тел и множества павших лошадей, лежавших долгое время и производивших заразительный смрад, почти совсем очищены. Московской воинской команды майор Гельман, исправляющий должность полицмейстера, отдал назначенного неприятелем в Москве головою купца Находкина, у которого взяты все его бумаги и книги, кои при сем представляю с именным списком всех определенных французами в разные должности чиновников, с коих, кроме скрывшегося Бестужева-Рюмина, взяты объяснения, и за ними приставлен надзор[1]. Наконец, с помощью генерал-майора Бенкендорфа и действительного статского советника князя Шаховского, равно определенных к разным должностям штаб- и обер-офицеров, я успел довести все части до возможного в настоящих обстоятельствах порядка.

По военным действиям получен сегодня, от 14-го числа, рапорт подполковника Пренделя, что посланный от него с отрядом на Смоленскую дорогу между Можайском и Гжатском лейб-казачьего полка поручик Каменнов в селении Грандове взял у неприятеля в плен офицера 1 и 202 нижних чинов, отбив часть обоза; представил при том, что в бытность под начальством его сей храбрый поручик захватил в разные времена французских офицеров 4 и нижних чинов 450. Подполковник Чернозубов, от 12-го октября, доносит следующее:

«Сейчас получил известие от исправника Сычевской округи Богуславского, что неприятеля ни в городе Белом, ни уезде оного нет. Исправник же Бельской округи уведомил его, что французы в числе 1 000 человек приблизились Бельского уезда до деревни Новоселок; но услышав от жителей, что в городе расположены наши войска, стремительно ретировались в Полящину, откуда они приходили. 40 казаков отряда подполковника Дибича преследовали их 10 верст. Легкая партия, отправленная мною к городу Вязьме, сейчас донесла мне, что оная была в 10 верстах от сего города и не встретила никакого неприятельского разъезда, но известилась от жителей, что в Вязьме со стороны Смоленска войска неприятельские уничтожаются».

---

[1] Речь идет о городском управлении (магистрате), которое Наполеон пытался насильственно создать из жителей Москвы во время занятия ее.

Генерал Голенищев-Кутузов[1] от 30-го октября из деревни Николы-Погорелой доносит императору следующее:

«При сем имею счастие представить два оригинальных письма вице-короля итальянского[2] к принцу Невшательскому[3], перехваченные отрядом под командою майора Бенкендорфа близ деревни Сапрыкино, что по дороге между Дорогобужем и Духовщиной. Из писем вице-короля и по показанию пленных видно, что 4-й неприятельский корпус имел назначение итти на Витебск; но когда вице-король узнал, что дорога к Духовщине и самый город уже заняты отрядом вверенного мне корпуса, то, переменив свое направление, потянулся к Смоленску».

Перевод письма вице-короля итальянского Евгения к принцу Невшательскому, из Заселья от 26-го октября 1812 г.

«Имею честь уведомить вашу светлость, что я выступил сего утра в 4 часа; но затруднений, причиненных местоположением и гололедицею, предстало столько движению нашему, что одни только передовые корпуса моего войска успели прибыть сюда в 6 часов вечера, а задние не иначе могли занять позицию, как почти в двух милях позади их.

От двух до 5 часов неприятель показывался с правой стороны. Он с артиллериею, казаками и драгунами почти в одно и то же время атаковал голову, средину и хвост наш. Открыв у первой промежуток, он воспользовался им и, закричав ура! захватил два полковых орудия, находившиеся на крутом косогоре, в отдалении от своих прикрытий. 9-й пехотный полк хотя и подоспел, но орудия были уже увезены.

У арьергарда неприятель производил огонь из четырех орудий, и генерал Орнано, не утверждая, полагает, что видел пехоту. На каждом из других пунктов русские имели по 2 орудия.

Ваша светлость легко усмотреть можете, что будучи обременен тяжелыми обозами, которые были мне сданы, и многочисленною артиллерией, при коей без увеличения пало сегодня слишком 400 лошадей, я нахожусь в довольно затруднительном положении. Однако ж завтра рано поутру продолжать буду следование мое к Пологе, откуда пошлю собирать сведения, и, соображаясь с оными, возьму направление к Духовщине или в Пнево.

Я не могу скрыть от вашей светлости, что после всех употребленных мною средств не остается возможности тащить за собою артиллерию мою, и посему ожидать должно, что после будет в орудиях весьма великая потеря; уже сегодняшний день 12 орудий были заколочены и зарыты в землю.

Имею честь быть и проч.».

---

[1] Голенищев-Кутузов, Павел Васильевич.
[2] Евгения Богарнэ.
[3] Маршалу Наполеона Бертье.

Перевод письма вице-короля италийского Евгения к принцу Невшательскому, написанного у переправы чрез реку Вопь 27 октября 1812 г.

«Я прилагаю при сем к вашей светлости письмо, писанное мною к вам вчерашнего дня, но которое до вас не дошло по той причине, что проводник того офицера, коему оно было поручено, сбился с дороги.

Ваша светлость удивитесь, когда узнаете, что я еще нахожусь у Вопи. Я выступил однако ж из Заселья сего утра в 5 часов; но дорога так пресечена рытвинами, что нужны были неслыханные усилия для прибытия к сему месту. С крайним сожалением вижу я себя в жестокой необходимости признаться вам в потерях, которые мы сделали, для ускорения нашего следования. Сии три дня стоили нам две трети артиллерии целого корпуса. Вчера пало около 400 лошадей, а сегодня погибло их, может быть, вдвое более, не включая великого количества тех из них, которых велел я прибавить из военных и частных обозов. Целые запряжки вдруг погибали, многие переменены были до трех раз.

Сего дня корпус наш в следовании своем не был тревожен. Мы видели только нескольких казаков без артиллерии, что мне кажется неестественным, и если верить донесению одного волтижера, посланного для добычи, то полагать должно, что одна колонна пехоты, артиллерии и кавалерии следует по одному с нами направлению, то-есть на Духовщину. Сию ночь я отправлю для разведывания сильную команду в Духовщину, куда надеюсь прибыть завтра, естьли неприятель не представит мне сильного сопротивления, ибо я не могу утаить от вашей светлости, что в сии три дня дух в солдатах от сильного изнеможения так упал, что я почитаю их теперь весьма мало способными к понесению каких-либо трудов. Множество людей померло от голоду и стужи, а другие в отчаянии сдались неприятелю.

Имею честь быть и проч.».

Из Лондона, октября 8

Из достоверных источников взятые известия о знаменитом сражении, бывшем при Бородине 7-го сентября нового стиля, и о последовавших затем происшествиях, служат новым доказательством, что не во французских бюллетенях и описаниях должно искать истины.

Повелитель французов поставил себе правилом во всех сражениях потерю неприятеля выдавать вчетверо и впятеро против своей. Но теперь по всем обстоятельствам видно ясно, что французы в упомянутом сражении не только несравненно более русских претерпели, но что русские одержали победу. Сие можно замечать, между прочим, и из собственного в 18 бюллетене признания Бонапарте, которое против воли у него вырывается в продолжение целого описания сей битвы. Он пишет, что Мюрат делал несколько атак и русские беспрестанно с новыми силами на них опрокидывались; что с правого фланга князь Понятовский сражался с переменным успехом и

хотя ему приказано было обойти левый фланг русский, однако ж не упоминается, успел ли он в том; что на левом фланге Моранд не мог удержаться и принужден был отступить назад; что русские, ободрены быв успехом своим, подвинулись вперед и атаковали их центр. Наконец, признается, что несколько минут опасался занятия неприятелем важных пунктов; что сам (Бонапарте) приказал подвинуть резервы свои на вспоможение. Русские колонны, говорит он, стояли два часа, не смея двинуться вперед и не желая отступить назад. Неужели во все сие время стояли они сложа руки и не били никого?

Вот еще собственное признание Бонапарте, между прочим, в высокопарном его хвастовстве: убитыми из числа французских генералов именуются в бюллетене Монбрюн, Коленкур, Компер, Плозон, Марион и Гюарт и 7 или восемь раненых. Признание Бонапарте, в утрате толикого числа генералов своих, доказывает уже, без сомнения, большую еще между французами потерю и в соразмерности того бывшую между нижними чинами.

Три дня после сражения Бонапарте был еще на своем месте в Можайске. Ни слова не говорит даже о том, чтобы армия Российская была обеспокоена при ее отступлении; что непременно была бы, естьли-б оная ретировалась в беспорядке. Русские напротив того отступили оттуда несколько дней спустя, и Москва уступлена неприятелю, сообразно обстоятельствам, оставленная от жителей и почти вся пустая. Мы увидим из последствий, что выиграют сим французы. Однако ж уверены между тем, что с сим городом не завоевано еще государство; и естьли армия Российская цела, естьли дух русских по прежнему тверд и непреклонен, то со взятием Москвы французы ничего не выиграли. Но пышные провозглашения о сем французских газет превосходят всякое описание. Наполеон, принаровляясь к грубому невежеству французского простого народа, взятие Москвы хотел представить оному завоеванием России; ибо французский народ, из среды коего хотя в других землях и берут в учители географии,—называет и доселе всю Россию Московиею. На сем основании ожидал Бонапарте заключить мир так же удобно в Москве, как сие удалось ему в Вене и Берлине. Напротив того, мы в Англии, зная с одной стороны обширность России, храбрость ее многочисленных народов, а с другой представляя неминуемое истощение французской армии, окруженной со всех сторон жителями, которые все смертельно французов ненавидят, мы уверены, что Бонапарте нигде в России не получит мира с Россиею. Армия российская не только усилена добровольным ополчением народа, но сугубо умножена, ненависть к французам, а с нею храбрость и неустрашимость русских возросли до высочайшей степени. Уже храбрые российские полководцы совершенным поражением искуснейших французских генералов приготовили пагубу французам в недрах России; уже неминуемый голод разинул пасть пред отчаянными ордами, и теперь ли русские станут помышлять о мире? Злодеи конечно не отстанут в сем случае от своих свойств, они конечно употребят все интриги, ложные письма и угрозы, будут нам писать о прибли-

жении своем к Петербургу; будут даже обещать новое разделение чужих областей и предлагать союзы самые блистательные, будут говорить о милосердии, человеколюбии и, естьли угодно, о любви своей и доброжелательстве к Англии. Бонапарте уступит Испанию; принудит к миру Америку; отдаст Сицилию и от Мальты откажется. То-есть он отдаст и уступит все то, чего он не имеет и иметь не будет, и сделает то, что и без него сделается.—Нет, русские не заключат мира с заклявшимся врагом мира. Русские не сделают союза с тем, кто разорвал все союзы божеские и человеческие. Великодушный русский народ многократно прощал французам клятвопреступные их нарушения мира.

Ты, в течение нескольких лет промногие тысячи из них прокормил, обожил в недрах своих. И вот чем они тебе платят за твои благодеяния. Они до тех пор не престанут быть твоими и всего света врагами пока все силы их не истощатся. Но теперь от твоих рук, от тебя Европа ждет спасения.

Из Готенбурга, октября 20

По полученным здесь из России известиям видно, что французы и там принимаются жителями так же, как в Испании. Крестьяне Смоленской и других губерний дерутся подобно гверилласам. Они вооружаются косами, пиками и всем тем, что токмо найти могут, и таким образом берут и ежедневно приводят пленных в свою армию. Опыт делает из них хороших воинов, которые, вспомоществуя с своей стороны настоящим войскам, заставят вскоре французов очищать занятые ими земли повсюду так же, как и в Испании.

Из Тулы, ноября 4

Здесь получено верное известие из главной армии нашей, что наши бьют французов повсюду и что Наполеон не ретируется, но бежит с разбитыми войсками. Сего ноября 1-го числа провели через наш город по Рязанскому тракту до 1 200 пленных французов, кои все крайне изнурены и покрыты рубищем.

Из Твери, ноября 8

Приехавшие сюда из армии рассказывают, что храбрые войска наши, преследуя неприятеля, беспрестанно одерживают над ним победы. Каждый день приводят пленных французов сотнями и тысячами; пушек отбивают у неприятеля также великое множество.

По дороге к Дорогобужу на несколько верст поля покрыты неприятельскими трупами; речки же по той дороге загружены убитыми неприятелями и лошадьми.

Из Вены, ноября 20

Вчера получено здесь весьма верное известие о ретираде императора Наполеона из России. Французская армия, расстроенная крайне от стужи и совершенного недостатка во всем нужном, претерпела при отступлении своем неоднократно сильные поражения от российских войск в разных местах. Вся дорога, по которой она ретируется, как сказывают, покрыта убитыми и умирающими от изнурения разнона-

родными воинами, составлявшими французскую армию. У императора Наполеона едва осталась теперь и девятая часть войска, приведенного им в Россию; с тем вместе лишился он почти всей артиллерии своей, обозов и лошадей. Остальные части армии его ретируются с величайшей поспешностью к Вильне.

Теперь можем мы сказать, что все известия, полученные здесь из России, не только не увеличены, но еще довольно слабо изображают ужасное и отчаянное положение французской армии. Французы сами весьма живо описывают сильную тревогу, в коей находится теперь Бонапарте, и 25-ый бюллетень есть бесценный документ, составляющий чудную противоположность с прежними бюллетенями. Бесчисленные затруднения и действия, множащиеся со всех сторон и требующие скорой решимости, тягостное колебание между различными замыслами и предприятиями—такая картина представляется в сей бумаге, которую Бонапарте писал сам, или, по крайней мере, заставил написать под своим надзором.—«Иные полагают, что император пойдет на зиму в Тулу и Калугу; другие думают, что он займет зимние квартиры в Польше».—Такой ли должен быть слог бюллетеня? Писавший оный долженствовал быть очень расстроен и встревожен в духе своем. Сие точно так, как бы говорил Бонапарте: «Что мне теперь делать? Я выгнан из того города, где думал найти изобилие, почести и спокойное пребывание; я выгоняюсь и из той земли, которая казалась мне обетованною. Куда ж я обращусь с самой скорости? Мне не представляется теперь ничего верного, кроме погибели моей и страхов». Вот точный смысл 25-го бюллетеня.

Вообразите себе положение сего надменного человека, не поставлявшего пределов своим честолюбивым замыслам, возбуждаемого вдруг из сего очаровательного усыпления, в коем он мечтал токмо о славе и завоеваниях; вообразите его при сем пробуждении видящего пред собою наяву стыд, бедствия и погибель. Сей только расчетливый человек, который все предусматривал, предупреждал, все без ошибки устраивал, сей бессмертный, сей редкий гений принуждается теперь брать прибежище свое к карте географической, яко единственному советнику своему и другу, для отыскания кратчайшего пути, который вывел бы его из пределов России. Сей самый герой, который за месяц пред тем говорил токмо о преследовании неприятелей до отдаленнейших краев их владений, который привел бесчисленные войска с конца Европы, для того чтобы их довести до конца Азии, должен теперь искать спасения своего в постыдном побеге. Куда он устремит робкие стопы свои, нам еще неизвестно, но вероятно, что не успокоится прежде, пока не уйдет из виду от тех грубых казаков, кои не дают ему ни на минуту отдохновения и забегают в его лагерь в такой располох, что войска его не успевают опомниться, ни даже сесть на лошадей.

Все сии обстоятельства изображаются весьма ясно в его бюллетене. Когда ж другого вернейшего доказательства искать нам о бедственном положении французов в России.

Декабря 15-го. Адмирал Чичагов рапортом 14-го числа доносит, что когда генерал Ласкин с отрядом шел по дороге в обход Вильны и ударил на неприятельскую кавалерию, в то время Мариупольского Гусарского полка унтер-офицер Паламаренко схватил почетный штандарт 9-го Кирасирского полка.

Генерал Васильчиков доносит от 13-го декабря, что австрийский корпус князя Шварценберга того ж числа оставил Белостокскую область и что 15-го числа область сия занята будет нашими войсками.

Декабря 16-го. Партизан полковник Давыдов рапортом от 14-го числа доносит, что по занятии города Гродно освобождено российских раненых, бывших в плену, 14 офицеров и 40 рядовых; а неприятельских взято пленных 661 человек. Сверх того взяты весьма обширные магазины, все полные хлебом разного рода и вином, которые и сданы им пришедшему туда с отрядом генералу Корфу.

Декабря 17-го. Генерал Витгенштейн от 15-го числа доносит, что партиями отряда генерала Голенищева-Кутузова 14-го числа заняты города Инстербург и Гумбинен. В первом из оных освобождено наших пленных 40 человек рядовых, а взято в плен 220 человек и захвачено 4 знамя; сверх сего в госпитале 1 полковник, 20 офицеров и до 1 200 рядовых, а в магазинах найдено овса 1 200 шефелей, муки 2 000 шефелей, сарачинского пшена 300 центнеров, ячменных круп 300 шефелей, жита 2 000 шефелей, пшеницы 200 шефелей, соли 15 бочек и 450 ружей. Во втором городе взят французский комендант, военный комиссар, полковник, 42 офицера и до 1 000 нижних чинов.

Генерал-адъютант Васильчиков доносит, что 15-го числа вся Белостокская область занята нашими войсками.

Таким образом пределы российской империи очищены совершенно от неприятельских войск, исключая малых остатков от корпуса Макдональда, бегущих за границу.

Главная квартира фельдмаршала в сии дни оставалась в г. Вильне.

Из Калуги, декабря 17

По очищении города Орши от неприятелей, один из офицеров нашей армии писал сюда, между прочим, следующее:

«Я нашел в Орше французский лазарет в самом жалком и ужасном состоянии. Раненые и больные оставлены были начальством своим без всякого призрения и не получали ни пищи и ни малейших пособий во все время, когда город сей находился в руках у французов. Они вырезывали у мертвых сотоварищей своих икры и тем питались. Когда я роздал им хлеба, то многие не в силах уже были есть и умирали голодною смертию».

Мы сообщаем здесь достопамятный приказ, отданный в городе Вильне 21-го декабря главнокомандующим армиями, генерал-фельдмаршалом, князем М. Л. Голенищевым-Кутузовым Смоленским:

«Храбрые и победоносные войска. Наконец вы на границах империи. Каждый из вас есть спаситель отечества. Россия приветствует вас сим именем. Стремительное преследование неприятеля и необыкновенные труды, подъятые вами в сем быстром походе, изумляют все народы и приносят нам бессмертную славу. Не было еще примера столь блистательных побед; два месяца сряду руки ваши каждодневно карали злодеев. Путь их усеян трупами. Токмо в бегстве своем, сам вождь их не искал иного, кроме личного спасения. Смерть носилась в рядах неприятельских; тысячи падали разом и погибали. Не останавливаясь среди геройских подвигов, мы идем теперь далее. Прейдем границы и потщимся довершить поражение неприятеля на собственных полях его. Но не последуем примеру врагов наших в их буйстве и неистовствах, унижающих солдата. Они жгли дома наши, ругались святынею, и вы видели, как десница вышнего праведно отмстила их нечестие. Будем великодушны, положим различие между врагом и мирным жителем. Справедливость и кротость в обхождении с обывателями покажет им ясно, что не порабощения их и не суетной славы мы желаем, но ищем освободить от бедствия и угнетений даже и те народы, которые вооружились противу России».

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор *Н. Фройн.*

Подписано в печать 20/VII 1942 г. Печ. 4 л. 48000 зн. в 1 п. л.
Тираж 50 000 экз. Л 77417. Заказ № 512. Цена книги 70 коп.

3-я типография «Красный пролетарий» Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига».
Москва, Краснопролетарская, 16.

Цена 70 коп.